

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 12

2019

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/uris/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
<i>Р.В. Насыров</i> О ЗНАЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВА	5
Язык права	
<i>А.А. Васильев, Ж.И. Ибрагимов, О.В. Васильева</i> ДАРКНЕТ КАК УСКОЛЬЗАЮЩАЯ СФЕРА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	10
Юридическая техника	
<i>А.Ю. Сафронов, В.В. Поляков</i> ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	13
Лингвоэкспертология	
<i>Т.В. Бердникова</i> СЕМАНТИКА СЛОВ С ЭЛЕМЕНТОМ ЧЕРН- И ИХ ОЦЕНКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ)	18
<i>Л.О. Бутакова</i> АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТРУДНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ	22

CONTENTS

Legal Communication	
<i>Nasyrov R.V.</i> ON THE IMPORTANCE OF LINGUISTIC TURN IN LAW STUDIES	5
Language of Law	
<i>Vasilyev A.A., Ibragimov J.I., Vasilyeva O.V.</i> DARKNET AS AN ESCAPING SPHERE OF LEGAL REGULATION	11
Legal Technique	
<i>Safronov A.Yu., Polyakov V.V.</i> PROBLEMS OF LEGAL AND LINGUISTIC DEFINITION OF EVIDENCE TAMPERING IN CRIMINAL COURT PROCEDURE	14
Linguistics expertology	
<i>Berdnikova T.V.</i> THE SEMANTICS OF WORDS WITH THE CONSTITUENT CHERN- AND THEIR ASSESSMENT WHEN IMPLEMENTING A LINGUISTIC EXPERTISE (BASED ON THE COMMENTS OF INTERNET USERS).	20
<i>Butakova L.O.</i> AUTHOR'S EXAMINATION: DIFFICULTIES OF IDENTIFICATION	24

О значении лингвистического поворота в исследовании права

Р. В. Насыров

Алтайский государственный университет
656000, Барнаул, пр. Социалистический, 68, E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

В статье ставится цель обосновать значимость для познания юридических явлений лингвистического поворота, который стал ярко проявляться в социогуманитарных исследованиях с начала прошлого века. Лингвистический поворот рассматривается как следствие развернувшегося с конца XIX века интеллектуального движения под названием «критика метафизики», которое оказало влияние на большинство философских течений XX века – феноменологию, герменевтику, экзистенциализм, аналитическую философию, прагматизм и иные. Лингвистический поворот возник в процессе критики метафизики как оторванности философских и научных теорий от реальной жизни. В это движение исследовательской мысли активно включились и юристы, так как оно предполагает погружение в непосредственный процесс социальной коммуникации, значительная часть которого соответствует понятию предмета правового регулирования. В статье обосновывается отличие наук фундаментальных и прикладных, в которых предмет познания и понимание истины не являются тождественными. Лингвистический поворот рассматривается как один из способов обеспечения связи правотворчества и юридических исследований с реально существующим предметом правового регулирования и юридической практикой. Признается, что в российском доктринальном правосознании проявляется дефицит погружения в объективно существующую социальную реальность, важнейшим аспектом которой выступает язык. Приводятся примеры того, что язык – это не просто знаковая система, выступающая средством выражения мысли о действительности, но средство раскрытия самой этой действительности человеку теми сторонами и аспектами, которые заданы используемыми для её описания словами. Делается вывод о необходимости учитывать в правовых теориях и законодательных конструкциях особенности российского правосознания, которые отражены в семантике русского языка.

Ключевые слова: лингвистический поворот; право; юридическая наука; язык; правосознание

On the importance of linguistic turn in law studies

R. V. Nasyrov

Altai State University
656000, Barnaul, pr. Socialisticheskii, 68. E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru

The article aims to substantiate the significance of the study of the linguistic turn for the knowledge of legal phenomena, which has been vividly manifested in socio-humanitarian studies since the beginning of the last century. The linguistic turn is viewed as a consequence of the intellectual movement unfolding since the end of the 19th century called “criticism of metaphysics”, which influenced most of the philosophical schools of the 20th century - phenomenology, hermeneutics, existentialism, analytical philosophy, pragmatism and others. The linguistic turnaround arose in the process of criticism of metaphysics as the isolation of philosophical and scientific theories from real life. Lawyers were actively involved in this movement of research thought, since it involves immersion in the direct process of social communication, much of which corresponds to the concept of the subject of legal regulation. The article substantiates the difference between fundamental and applied sciences, in which the object of knowledge and, accordingly, the understanding of truth are not identical. The linguistic turn is considered as one of the ways to ensure the connection of law-making and legal research with a really existing subject of legal regulation and legal practice. It is recognized that in the Russian doctrinal sense of justice there is a lack of immersion in an objectively existing social reality, the most important aspect of which is language. There are examples given here to prove the fact that language is not just a sign system, acting as a means of expressing thoughts about reality, but this reality itself is revealed to a person by those parties and aspects specified by the words used to describe it. The conclusion is made about the need for legal theories and legislative structures to take into account the peculiarities of the Russian legal consciousness, which are reflected in the semantics of the Russian language.

Key words: linguistic turn; law; legal science; language; legal consciousness

В статье ставится цель обосновать значимость для познания юридических явлений лингвистического поворота, который ярко проявился в социогуманитарных исследованиях с начала прошлого века. Внедрение в философский и научный дискурс концепта «лингвистический поворот» связывается с именем американского философа Р. Рорти, под редакцией которого в 1967 году была опубликована одноименная коллективная монография, посвященная проблемам философии языка [Rorty 1967]. Но исследователи обращают внимание на скорее риторический характер этого словосочетания и указывают на то, что «что фактически поворот к языку произошел за полвека до возникновения соответствующего обозначения» [Инишев 2012: 186].

Лингвистический поворот необходимо рассматривать как проявление и следствие развернувшегося с конца XIX века интеллектуального движения под названием «критика метафизики» и возникновения такого направления мысли как «философия жизни», которое, как известно, оказало влияние на большинство философских течений XX века – феноменологию, герменевтику, экзистенциализм, аналитическую философию, прагматизм и иные. Лингвистический поворот возник в процессе критики метафизики как оторванности философских и научных теорий от реальной жизни. Соответственно, в это движение исследовательской мысли активно включились и юристы, так как оно предполагает погружение в непосредственный процесс социальной коммуникации, значительная часть которого соответствует понятию предмета правового регулирования. Именно в русле интеллектуального движения под названием «критика метафизики» возникли такие теории права как социологическое направление в юриспруденции, феноменологическая, психологическая, реалистическая школа права и иные; с философией жизни коннотирует название и содержание концепции Е. Эрлиха – теория «живого права».

Суть лингвистического поворота в современных науках об обществе и человеке предварительно можно кратко выразить, преобразовав известное высказывание основателя методологии классической науки Р. Декарта – «Я мыслю, следовательно, я существую» – в «Я говорю, следовательно, я существую». Для обоснования допустимости такого утверждения сошлемся на М. Хайдеггера, который утверждал: «Для речи нужны говорящие; но не только так, как для следствия нужна причина. Говорящие скорее сами присутствуют лишь в своем говорении» [Хайдеггер 1993: 264]. В науках практических (каковой является и юриспруденция) главным является вопрос не «Что?», а «Как?». Если учесть замеченное самим Р. Декартом различие фундаментальных и прикладных исследований, то картезианский принцип познания приобретает вид: «Я существую (практикую, говорю) так, как я мыслю». В соответствии с этой дедуктивной установкой в юридической науке и практике возникает отраженное в учебниках теории права представление о том, что первой стадией правового регулирования выступает законотворчество, то есть формирование правовой реальности начинается с мысли законодателя. Но такое, условно говоря, дедуктивное восприятие процесса правового регулирования в российской действительности приобрело негативные формы правового идеализма, законотворческого волюнтаризма, «голого» законодательства и т.п.

Стоит признать, что и отечественная юриспруденция до сих пор несет печать своего искусственного происхождения. Правовая наука в России возникла одновременно в результате заимствования системы преподавания права в западноевропейских университетах. Первыми учеными-юристами были иностранцы, преподававшие «право природы» (естественное право) и римское право. Юридическую науку в России до сих пор воспринимают не как явление, постепенно и естественно вырастающее из потребностей самой общественной жизни, а как результат заимствования. Несмотря на плеяду выдающихся имен в российской философии и теории права, исследователи отмечают: «Юридическая наука в России имеет весьма слабые прикладные школы и методологии, часто без соответствующей организационной инфраструктуры. В целом наблюдается значительный отрыв массового, обыденного правосознания от правосознания официально-академического» [Синюков 2010: 36]. Это предопределило устойчивое представление о существовании некоего идеально-универсального права, которое лишь необходимо внедрить в общественную жизнь. Доктринальное правосознание стало характеризоваться преобладанием дедуктивно-логического мышления при явном дефиците индуктивно-практического подхода к изучению правовых явлений.

Очевидно, что юристам ближе индуктивный метод познания, значимость которого доказал другой (наряду с Р. Декартом) основатель рационализма Нового времени – Ф. Бекон. В афоризме «Знание – сила» английский философ имеет в виду знание, почерпнутое из опыта: «Если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда – в истинной индукции» [Бекон 1978: 13-14]. С этой индуктивной точки зрения, формула лингвистического поворота в социогуманитарных исследованиях приобретает иной вид – «Я мыслю так, как я существую, практикую и, наконец, говорю». Казалось бы, речь идет об особенностях англо-саксонского стиля мышления с его эмпиризмом и прагматизмом. Но стоит признать, что для прикладных наук такой практически ориентированный характер исследования релевантен их предмету и методологии. Так, О. Холмс (младший) сформулировал принцип, подтвержденный историей и самим механизмом функционирования права: «Жизнь права не была логичной, она была опытом» [цит. по: Адыгезалова 2012: 83]. Представители континентальной (романо-германской) правовой традиции не могут отрицать того, что римские юристы формулировали свои общие положения о праве в контексте юридической практики. В определении права Цельса «Jus est ars boni et aequi» слово «ars» точнее переводить как «искусство, мастерство», то есть право – это не просто наука, знание о добре и справедливости, а именно практика их воплощения в конкретных актах реализации права.

Обосновывая дедуктивный принцип познания, Р. Декарт отметил, что его тезису о том, что до обнаружения очевидной истины всё сомнительное необходимо считать ложным, нельзя следовать в сфере «жизненной практики»: «Ибо, что касается жизненной практики, то, поскольку зачастую мы должны действовать прежде, чем избавиться от сомнений, мы нередко бываем вынуждены усвоить то, что является всего лишь правдоподобным, а иногда просто выбрать одно из двух, если ни одно из них не представляется более правдоподобным, чем другое» [Декарт 1989: 315]. Речь идет о не вполне еще отрефлексированном и учтенном в российском доктринальном правосознании отличии наук фундаментальных и прикладных, в которых предмет познания и понимание истины не являются тождественными. Лингвистический поворот допустимо рассматривать как один из способов обеспечения связи правотворчества и юридических исследований с реально существующим предметом правового регулирования и юридической практикой. Разумеется, научное познание, в том числе и юридическое, предполагает дедукцию, выведение нового знания из общих положений – аксиом, идей, принципов. Но стоит признать, что в отечественном доктринальном правосознании проявляется дефицит погружения в объективно существующую социальную реальность, важнейшим аспектом которой выступает в том числе и язык.

Лингвистический поворот в социогуманитарных исследованиях основан на осознании того, что язык является не только средством социальной коммуникации, но и фактором, определяющим её содержательные аспекты. М. Хайдеггер пишет: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя её в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит» [Хайдеггер 1993: 192]. Философ различает язык и речь, то есть не всякое высказывание и суждение соответствует языку как «дому бытия». В приведенной цитате М. Хайдеггер

связывает надежду и обязанность рефлексивно выражать в речи функцию языка как «дома бытия» с мыслителями, которые способны, прежде чем сформулировать общие положения о предмете познания, погрузиться в него: «Всякое воздействие покоится в бытии, но направлено на сущее. Мысль, напротив, допускает бытию захватить себя, чтобы сказать истину бытия» [Хайдеггер 1993: 192]. Допустимо утверждать, что российское доктринальное правосознание не достигло еще состояния самоидентификации и не выразило истину отечественного правового бытия, так как не погрузилось в него.

Российские правоведа, разрабатывая законопроекты и стремясь избежать «голового» законотворчества, должны внимательно вслушиваться в речь носителей обыденного правосознания, так как в ней спонтанно и поэтому искренне (непредвзято) проявляются не поверхностные, а глубинные установки сознания. Так, до сих пор фактические брачные отношения в русской речи (вопреки законам юридическим и логическим) называют «гражданским браком», что не есть проявление юридической безграмотности, а свидетельствует о сохранении традиционного представления о том, что брак является не только светским юридическим договором, но и чем-то большим. Этим можно объяснить и относительно низкий процент брачных договоров в РФ – менее 10% (в США и ЕС – около 70%) [Левушкин 2016: 5]. Оценка такой статистики лишь как проявление пошлости и отсталости российского правосознания носит поверхностный характер и является примером игнорирования особенностей отечественного правосознания.

Язык – это не просто знаковая система, выступающая средством выражения мысли о действительности, но средство раскрытия самой этой действительности человеку теми сторонами и аспектами, которые заданы используемыми для её описания словами. Слова как носители понятий (обобщений) важны и необходимы, но в конкретном дискурсе значение слова может быть задано акцентом на одной из многочисленных коннотаций этого слова. Поэтому лишь отчасти верно определение коннотации через указание на то, что она выражает несущественные устойчивые признаки выражаемого ею понятия [Апресян 1995: 159]. Известный философ и семиотик Р. Барт понятию коннотации придает идеологическое значение, так как коннотативное означаемое «обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии» [Барт 1975: 159]. Поэтому в процессе восприятия и оценки акта публичной речи необходимо «держаться паузы», то есть не торопиться с выводом о его смысле, учитывать контекст и цель речевого акта. Коннотативная лингвистика позволяет понять, что в обществе «на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают системы вторичных смыслов» [Барт 1975: 158]. Р. Барт, учитывая тот факт, что в современной политической жизни огромное место занимает процесс манипуляции сознанием людей, пишет: «У нас пока нет социологии слова. Нам лишь известно, что слово есть форма власти и что особая группа людей (нечто среднее между корпорацией и классом) определяется как раз тем, что более или менее безраздельно владеет языком нации» [Барт 2008: 117].

Приходится признать, что российское общественное сознание является довольно удобным объектом манипуляции. В правосознании выделяются рациональные и эмоциональные компоненты. Вполне допустимо называть такую особенность российского правосознания как преобладание в нем образно-эмоциональной составляющей. Это соответствует выводам лингвистов, которые в своих сравнительных исследованиях фиксируют важную роль в русском языке эмоционально-оценочных слов и выражений. Соответственно, в правовом воспитании и юридическом образовании органично в сознание человека войдут те знания, которые пропущены через этнические оценочные чувства и образы. Ученые, изучающие российскую языковую картину мира, приходят к выводу: «Национально-культурные стереотипы включают не столько рациональные основания оценки, сколько эмоциональные, субъектные характеристики обозначаемого» [Коновалова 2012: 260]. Этот факт отражается в самих традиционных юридических терминах, многие из которых не просто называли правовые явления, а образно представляли и оценивали их; например, в средневековой Руси правонарушение – «обида» или «лихое дело», судебный спор – «розлюбье» и т.д.

В 90-х годах прошлого века сменились идеологические ориентиры развития общества, что предопределило значительное увеличение объема иностранной терминологии в текстах российских законов. По мнению Туранина В.Ю., чрезмерное использование заимствованной лексики не всегда носит конструктивный характер и вызвано неоправданным желанием разработчиков законопроектов подчеркнуть их наукообразность, придать им дополнительную «солидность». Этот же автор обращает внимание на факты неадекватной трактовки значения иностранных слов и предлагает провести отсев терминов, не вписывающихся в российский юридический язык [Туранин 2009: 14]. Это предложение, казалось бы, имеет отношение лишь к прикладной сфере правовой деятельности, то есть к такому элементу юридической техники как язык правовых актов. Но установка на внимательное и принципиальное отношение к юридической терминологии важна и для теоретиков права при решении вопросов о сущности права, его ценности и функциях.

Так, этимология слова «закон» соответствует такой особенности отечественного правосознания как признание приоритета не регулятивной, а охранительной функции формального права. Приставка «за» придает всему слову значение того, что находится за пределами или не соответствует тому, что выражено в корне этого слова. Оказывается, что «кон» – это «начало», то, что было «искони». Если вспомнить приведенный выше пример с брачным договором, то традиционное представление о том, что браки «заключаются на небесах» соответствует понятию «кона», а нотариально заверенный брачный контракт заключается за пределами «кона», то есть по «закону». Наиболее точно глубинная этимология слова «закон» раскрыта в словаре А.В. Семенова как «установление власти, противоположное традициям» [Семенов 2003]. Заметно, что в обыденном российском правосознании сохраняется такое восприятие формального права, что отражается в известной постановке вопроса – «По закону или по совести?».

Завершим статью конкретным примером, демонстрирующим значение лингвистического анализа формулировок официальных текстов. Тот факт, что иностранные слова по сравнению с русскими звучат нейтрально и менее эмоционально нагружены, оправдывает их использование в качестве эвфемизмов; целесообразно вместо слов «калека» и «старик» употреблять термины «инвалид» и «пенсионер». Но существуют негативные, чрезвычайные, исключительные и т.д. социальные явления, которые в сознании должны так и восприниматься, а в речи называться словами с соответствующими не только значениями, но и коннотациями. Право по своей природе нормативно и поэтому то, что законом регулируется, может начать оцениваться как нечто «нормальное». Так, естественными «уполномоченными» по правам ребенка должны быть его родители, дедушка и бабушка и иные родственники. Важно в общественном сознании сохранять представление о чрезвычайном характере случаев, когда в качестве такого уполномоченного по правам ребенка выступают официальные органы и лица. Но институты прав ребенка, ювенальной юстиции и информация о них внедряются в России таким образом, что невольно возникает презумпция, что от окружающих и даже близких родственников постоянно исходит угроза правам и интересам ребенка, а основным его защитником призвано быть государство. Исчезает представление о том, что речь идет о детях-сиротах, неблагополучных семьях и специализированной судебно-правовой системе защиты прав несовершеннолетних. Иностранный эпитет «ювенальный» звучит нейтрально и в духе НЛП (нейролингвистического программирования) неосознанно настраивает на восприятия этого вида юстиции как явления «нормального», а не чрезвычайного.

Одним из требований правотворческой техники выступает соответствие наименования (заголовка) нормативного правового акта его назначению и предмету регулирования. Специалисты в сфере законодательной техники пишут: «Заголовок закона – один из важнейших формальных реквизитов, играющих первостепенную роль в оценочном восприятии, понимании законодательного текста»

[Законодательная техника 2000: 117]. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) признает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания». В этой Конвенции закреплено, что для обеспечения этого фундаментального права необходима находящаяся вне прямого воздействия закона и официальной власти естественная ячейка общества, то есть семья, которой «должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем, чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества». Очевидно, что необходимость в непосредственном участии государства возникает в той чрезвычайной ситуации, когда для защиты прав ребенка оказываются недостаточными возможности естественной ячейки общества, то есть семьи, или семья неблагополучная, или ребенок оказался сиротой. В Федеральном законе от 27.12.2018 N 501-ФЗ "Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации" в части 1 ст. 2 закрепляется: «Деятельность Уполномоченного направлена на обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов детей, реализации и соблюдения прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами». В предмет правового регулирования, связанный с защитой прав и интересов человека, входят чрезвычайные и конфликтно опасные общественные отношения. В противном случае в обязанности Уполномоченного по правам ребенка пришлось бы включить мониторинг и контроль в целом всей политики государства в сферах социально-экономической, образования, культуры, СМИ, интернета и т.д. В этих сферах общественной жизни и создаются условия для сохранения и благополучия (или разрушения) семьи как той ячейки общества, где и может быть реально обеспечено провозглашенное в Конвенции 1989 года основное право ребенка «расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания».

С точки зрения юридической лингвистики, не стоит иностранный эпитет «ювенальный» переводить на русский язык и в перечень конституционной, уголовной, административной и т.д. юстиций вставлять термин «детская юстиция». Но целесообразно использовать словосочетание «по делам», которое вызывает в русском языке коннотации с чем-то дискретным, непривычным, чрезвычайным. Вполне адекватно функции соответствующих официальных лиц и органов отражались бы в терминах «Уполномоченный по делам ребенка» и «Юстиция по делам несовершеннолетних».

Подводя итог, укажем, что лингвистический поворот в исследовании права может стать одним из факторов, способствующих достижению отечественным доктринальным правосознанием состояния самоидентификации. В России существует довольно развитая и воплощенная в многочисленных теоретических текстах юридическая наука, но допустимо ставить вопрос: «Существует ли российская юридическая наука?». Истоки всех отечественных наук связаны с процессом восприятия в XVIII веке иноземных достижений, созданием Российской Академии наук и университетов. Признаем, что спустя три века так и не возникла собственно российская юриспруденция, релевантная истории страны, условиям её существования и менталитету. Но почему при этом смогла сформироваться, например, получившая мировое признание отечественная школа языкознания? Ответ содержится в следующем положении академика В.В. Виноградова, которое описывает одно из направлений исследования русского языка XVII-XIX веков: «Изучение семантической истории «заимствованных» слов, связанных с сравнительно-историческим исследованием судьбы их в других языках, в том числе и в родном для них языке, содействует открытию семантических своеобразий русского литературно-языкового процесса» [Виноградов 1999: 4]. Точно так же и юристам необходимо при разработке правовых теорий и юридических конструкций погрузиться в реальное российское бытие, в том числе и в семантику родного русского языка.

Литература

- Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995.
- Барт Р. Основы семиологии / Структурализм: «за» и «против». М., 1975. – С. 114-163.
- Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
- Бекон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т.2. М., 1978.
- Виноградов В.В. История слов. М.: РАН. Отделение литературы и языка. 1999.
- Декарт Р. Сочинения в 2 тт. Т.1. М., 1989.
- Законодательная техника: Научно-практическое пособие. М., Городец, 2000.
- Инишев И. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества / Логос, 2012, № 1 (85). – С. 184-211.
- Коновалова Н.И. Эмоциональная и рациональная оценка в народной фитонимии / Рациональное и эмоциональное в русском языке: Межвузовский сб-к научных трудов. М., 2012. С. 259-266.
- Левушкин И.Н. Брачный договор в Российской Федерации. М., 2016.
- Семнов Ю.В. Этимологический словарь русского языка. М, 2003.
- Синюков В.Н., Синюкова Т.В. О развитии университетского и прикладного юридического образования в России // Государство и право, 2010, № 3. С. 33-42.
- Туранин В.Ю. Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы / Современное право, 2009, № 4. – С. 14-17.
- Хайдеггер М. Путь к языку / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 259-272.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 192-220.
- Rorty R. (Ed.). The Linguistic Turn. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

References

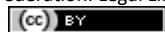
- Adygezalova, G.E. (2012). Sociological jurisprudence of the United States in the XX century: the formation of the doctrine, development and improvement of the rule of law. St. Petersburg (in Russian).
- Apresyanyan, Yu. D. (1995). Selected Works. Volume II. Integral description and systemic lexicography. Moscow (in Russian).
- Bart, R. (1975). Basics of semiology / Structuralism: "pros" and "cons". Moscow (in Russian).
- Bart, R. (2008). Zero degree letters. Moscow (in Russian).
- Bacon, F. (1978). Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Vinogradov, V.V. (1999). History of words. Moscow. Russian Academy of Science. Department of literature and language (in Russian).

-
- Descartes, R. (1989). Works in 2 vols. Vol. 1. Moscow (in Russian).
Legislative technique. Scientific and practical guide. (2000). Moscow. Gorodets (in Russian).
Inishev, I. (2012). "The Iconic Turn" in the Theories of Culture and Society. *Logos*, 1(85), 184-211 (in Russian).
Konovalova, N.I. (2012). Emotional and rational evaluation in folk phytonym. Rational and emotional in Russian. Interuniversity collection of scientific papers. Moscow (in Russian).
Levushkin, I.N. (2016). Marriage contract in the Russian Federation. Moscow (in Russian).
Semnov, Y.V. (2003). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
Sinyukov, V.N., Sinyukova, T.V. (2010). On the development of university and applied legal education in Russia. *State and Law*, 3, 33-42 (in Russian).
Turanin, V.Yu. (2009). The use of borrowed terminology in the texts of modern Russian laws: possibilities and limits. *Modern Law*, 4, 14-17 (in Russian).
Heidegger, M. (1993a). Path to language (Pp. 259-272). In: *Time and Being: Articles and speeches*. Moscow (in Russian).
Heidegger, M. (1993b). Letter on Humanism (Pp. 192-220). In: *Time and Being: Articles and speeches*. Moscow (in Russian).
Rorty, R. (1967). *The Linguistic Turn*. Chicago: University of Chicago Press.
-

Citation:

Насыров Р.В. О значении лингвистического поворота в исследовании права // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 5-9.

Nasyrov, R.V. (2019). On the importance of linguistic turn in law studies. (2019). Towards the "crime of violence" definition in the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 12, 5–9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования

А. А. Васильев¹, Ж. И. Ибрагимов², О.В. Васильева¹

¹Алтайский государственный университет

656049, г. Барнаул, проспект Социалистический, д. 68, E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Республика Казахстан, 010008 г. Астана, Алма-атинский район,

ул. Қаныша Сатпаева, E-mail: zhamaladen@mail.ru

Правовая система России в последние десятилетия очевидно столкнулась с вызовами глобальной электронной сети. Связаны они прежде всего с тем, что многие группы правоотношений, традиционно существовавшие в «материальном» виде, перемещаются в киберпространство. Речь идет не только о масштабной цифровизации сферы купли-продажи, но и о тех областях права, в отношении которых их перемещение в интернет ранее никто не предполагал (сфера государственных услуг, электронное избирательное право и пр.). Еще более угрожающей представляется проблема использования Даркнет в криминальных сферах.

Отсутствие какого бы то ни было системного правового регулирования в этой области и даже минимального набора основных правовых терминов делает отечественное законодательство беззащитным перед стремительно развивающимся Даркнетом. В статье предлагается авторское осмысление основных проблемных вопросов Даркнета как предмета правового регулирования, соотношение идей свободы и анонимности в сети и защиты государственных и частных интересов. Формулирование концепции правового регулирования в отношении Даркнета должно послужить отправной точкой на этом пути.

Ключевые слова: цифровое право; интернет-право; Даркнет; криптовалюта; кибербезопасность; анонимность; свобода

Darknet as an escaping sphere of legal regulation

A.A. Vasiliev¹, Zh.I. Ibragimov², O.V. Vasileva¹

¹Altai State University

656049, Barnaul, Sotsialisticheskii Prospekt, 68, E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²L.N. Gumilyov Eurasian National University

Republic of Kazakhstan, 010008 Astana, Alma-Ata district, Qanysh Satpayev St.

E-mail: zhamaladen@mail.ru

The legal system of Russia in recent decades has obviously faced the challenges of the global electronic network. They are connected primarily with the fact that many groups of legal relations, which traditionally existed in the “material” form, are moving into cyberspace. It does not only apply to large-scale digitalization of the sphere of sale and purchase, but also to those areas of law whose transfer to the Internet has never been expected before (public services, electronic voting right, etc.). Even more threatening is the problem of using darknet in criminal spheres.

The absence of any systemic legal regulation in this area or even a minimal set of basic legal terms makes domestic legislation defenseless against the rapidly developing darknet. The article proposes the authors’ understanding of the main issues of the darknet as a subject of legal regulation, the balance of freedom and anonymity in the network and the protection of public and private interests. The framing of the concept of legal regulation in relation to darknet should serve as a starting point on this highly complex path.

Keywords: digital law; Internet law; Darknet; cryptocurrency; cybersecurity; anonymity; freedom

Интернет за последние два десятилетия стал неотъемлемым элементом человеческой жизни и новым (удобным и оперативным) инструментом коммуникации в обществе. Вне всякого сомнения, в цифровую эпоху значительная часть экономической, политической и культурной жизни протекает именно в интернете. Хозяйственная деятельность вышла на уровень электронной коммерции, интернет-банкинга, активного использования систем хранения и вычисления для минимизации издержек и роста прибыли (цифровая экономика). В сфере политики властные отношения трансформируются в новый формат взаимодействия государства и

личности, в котором подчинение, господство, закрытость меняются на равноправие и прозрачность (электронное правительство). Наконец, культура, в том числе коммуникация, от элитарности и приоритета прав автора переходит к массовости (социальные сервисы и медиа) и открытости лицензии и пользования интеллектуальными продуктами.

Наряду с целым рядом преимуществ интернет вызвал к жизни не существовавшие ранее проблемы и задачи: обеспечение кибербезопасности, защита персональных данных, вопросы юрисдикции, идентификации пользователей и другие. Данные явления в той или иной мере находят организационные и юридические средства разрешения. Уровень осмысления проблем интернет-права в зарубежной и российской правовой науке можно признать хотя и начальным, но все-таки достаточным (см., например, [Архипов 2018; Easterbrook 1996; Lessig 1999] и др.). В то же время из сферы правового регулирования ускользает Даркнет – сеть скрытого и анонимного интернета. При этом Даркнет выступает одним из уровней интернета. Первый уровень интернета включает в себя совокупность индексированных сайтов, пользователей которых можно определить на основе IP адреса. Второй уровень – глубинный интернет (Deep Internet) – представляет собой набор неиндексированных страниц интернета, которые не могут быть найдены по поисковым системам, но пользователи которых могут быть идентифицированы. Отличительная черта Даркнета состоит в том, что его пользователи благодаря браузеру и системе шифрования сохраняют свою анонимность и не могут быть идентифицированы.

Возникновение Даркнета связывают с первой интернет-сетью APRANET в 1970-х гг., когда интернет был субкультурой, не имел массового распространения и служил инструментом общения ученых. В 2002 г. термин Даркнет был использован впервые в книге сотрудников Microsoft «Даркнет и будущее распространения информации», в которой авторы выступили за идею свободы и конфиденциальности в Интернете [Easterbrook 1996].

Рассуждая в философско-антропологическом ключе, следует отметить, что изначально появление Даркнета как анонимной сети было связано со стремлением людей к свободе от внешнего контроля и к творческой реализации. Не случайно сами технологии и Даркнет – предмет серьезной полемики между трансгуманистами и анархопримитивистами. Трансгуманисты говорят о безграничных возможностях человеческого интеллекта и рассматривают технологии как средство совершенствования человека и общества, вплоть до бессмертия (Золтан Ишван, Андрес Стэндберг, теперь и Р. Курцвейл). Соответственно, сфера Даркнет для трансгуманистов – поле воплощения свободы духа и творческой энергии. Для анархопримитивистов любая технология есть нарушение естественной природы человека, поскольку технологии в итоге ведут к господству контроля и иерархии. Технологии стали превращать человека в зависимое существо, он перестал быть свободным (Джон Зерзан). Причем неолуддиты видят выход из технократического рабства в возврате к доцивилизационному образу жизни через «ревайдинг» (буквально одичание) [Lessig 1999: 256-281].

Главным преимуществом для тех, кто предпочитает Даркнет (по разным оценкам их число варьируется от 0,1% до 1% от всех пользователей интернета), выступает сохранение анонимности пользователей. В техническом отношении такая анонимность достигается за счет использования специальных браузеров TOR (луковых маршрутизаторов), которые не позволяют определить IP-адреса с помощью специальных способов шифрования и туннельной передачи данных. Информация в Даркнете передается в одноранговых сетях без возможности их контроля и перехвата [Biddle, England, Peinado, Willman 2003: 25].

Такая технология сохранения конфиденциальности пользователей сама по себе нейтральна, но может использоваться как во благо – для развития креативных форм общения, так и для общественно опасных деяний – торговля наркотическими средствами, размещение порнографического контента, продажа оружия, поиск убийц по найму, нарушение прав на интеллектуальную собственность, виртуальная валюта и др. [Бартлетт 2017: 650]. При этом, по сложившемуся общему мнению, Даркнет ассоциируется только с криминалитетом, в то время как он успешно используется и для достижения безобидных целей. Полагаем, что преступными следует считать не технологии, а цели, для достижения которых они могут быть использованы. Очевидно, что тяготение к криминальной модели применения Даркнета заложено в анонимности сети, что привлекает различного рода злоумышленников, избегающих идентификации и привлечения к юридической ответственности.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение Даркнета. Тем не менее, можно выделить ряд значимых для правового регулирования признаков:

1. Даркнет – это информационно-коммуникационная система для взаимодействия пользователей (также как и открытый интернет);
2. с точки зрения программного обеспечения Даркнет основан на технологии TOR или его аналогах;
3. Даркнет обеспечивает анонимность и конфиденциальность пользователей, поскольку их IP-адреса шифруются.

Подходы к государственному контролю и правовому регулированию Даркнета можно разделить на 3 группы:

1. государственная позиция, согласно которой Даркнет должен быть запрещен, поскольку он используется в криминальных целях и не позволяет идентифицировать правонарушителей;
2. позиция сторонников свободного интернета, выступающих против любого вмешательства и контроля со стороны государства;
3. подход, учитывающий невозможность запрета Даркнета и нейтральность оценки самой анонимной технологии социальной коммуникации. При этом в рамках последнего подхода отмечается необходимость как технического, так и правового ответа на угрозы, которые несет Даркнет.

Полагаем, что третья позиция наиболее сбалансированна, поскольку в ней Даркнет предстает как инструмент, который приобретает общественную опасность в связи с преступными целями пользователей, а не сам по себе. Кроме того, текущий уровень развития не позволяет государствам блокировать использование Даркнета. Вместе с тем необходимо вырабатывать правовые и технические средства борьбы с его опасными проявлениями.

Литература

Архипов В. В. Интернет-право. Москва, 2018.

Бартлетт Д. Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М., 2017.

Райтман М.А. Искусство легального, анонимного и безопасного доступа к ресурсам Интернета. Екатеринбург, 2017.

Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности / Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т.10. № 4. С. 659 – 656.

Easterbrook F. N. Cyberspace and the Law of the Horse / University of Chicago Legal Forum, 1996.

Lessig L. The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach / Berkman Center for Internet & Society at Harvard University, 1999.

Biddle P., England P., Peinado M., Willman B. The Darknet and the Future of Content Protection. In: Feigenbaum J. (Eds.). Digital Rights Management. DRM 2002. Lecture Notes in Computer Science, vol. 2696. Springer, Berlin, Heidelberg, 2003. Doi: https://doi.org/10.1007/978-3-540-44993-5_10/

References

- Arhipov, V.V. (2018). The Internet law. . Moscow (in Russian).
- Bartlett, J. (2017). The Dark Net. Inside the Digital Underworld. Moscow (in Russian).
- Biddle, P., England, P., Peinado, M., Willman, B. (2003). The Darknet and the Future of Content Protection. In: Feigenbaum J. (Eds.). Digital Rights Management. DRM 2002. Lecture Notes in Computer Science, vol. 2696. Springer, Berlin, Heidelberg. Doi: https://doi.org/10.1007/978-3-540-44993-5_10/
- Easterbrook, F.N. (1996). Cyberspace and the Law of the Horse. University of Chicago Legal Forum, Vol. 1996, Article 7. Available at: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol1996/iss1/7/>
- Lessig, L. (1999). The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach. Berkman Center for Internet & Society at Harvard University.
- Rajtman, M.A. (2017). The art of legal, anonymous and secure access to Internet resources. Ekaterinburg (in Russian).
- Uzdenov, R.M. (2016). New frontiers of cybercrime / All-Russian criminological journal, 10(4), 659–656 (in Russian).

Citation:

А.А. Васильев, Ж.И. Ибрагимов, О.В. Васильева. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 10-12.

Vasiliev, A.A., Ibragimov, Zh.I., Vasileva, O.V. (2019). Darknet as an escaping sphere of legal regulation. Legal Linguistics, 12, 10–12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве

А.Ю. Сафронов¹, В.В. Поляков²

¹*Российский государственный университет правосудия
658481, Алтайский край, г. Змеиногорск, ул. Ленина, 41.*

E-mail: safronov.au@gmail.com

²*Алтайский государственный университет
656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, 68.*

E-mail: aqupolyakov@gmail.com

В статье осуществляется многоаспектный анализ юридических понятий «фальсификация доказательств по уголовному делу», «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности» и «фальсификация электронных доказательств по уголовному делу», даются их авторские определения. Обосновывается, что правовая оценка письменной речевой деятельности зависит от юридической стороны вопроса, и наоборот - квалификация деяния как преступной фальсификации неизбежно определяется толкованием юридических терминов. Рассматривается история юридического понятия «фальсификация», его происхождение и эволюция.

Отмечается, что с развитием информационных технологий значительную актуальность приобрели юридические и лингвистические вопросы «фальсификации электронных доказательств». Любое доказательство может иметь как бумажный, так и электронный вид, либо один вид доказательства может быть продублирован другим, поэтому при описании способов и признаков фальсификации (подделки) документов необходимо разграничивать их печатную (материальную) и электронно-цифровую разновидности. При обнаружении фальсификации электронных документов необходима в обязательном порядке фиксация фальсификации данных на бумажном носителе в соответствующих материалах уголовного дела. Учитывая совокупность криминалистического, уголовно-правового и уголовно-процессуального аспектов, фальсификация электронных доказательств становится преступной только тогда, когда она находит свое очевидное отражение в материалах уголовного дела, то есть в акте правоприменения уполномоченного лица, зафиксированном на бумажном носителе. Утверждается, что в силу ряда причин сложилась благоприятная ситуация для активного использования фальсификации электронных доказательств в высокотехнологичных преступлениях.

Ключевые слова: фальсификация; доказательства; электронный документ электронное доказательство; высокотехнологичные преступления

Problems of legal and linguistic definition of evidence tampering in criminal court procedure

A.Yu. Safronov¹, V.V. Polyakov²

¹*Russian State University of Justice
658481, Altai Krai, Zmeinogorsk, ul. Lenina, 41. E-mail: safronov.au@gmail.com*

²*Altai State University
656049, Altai Krai, Barnaul, Socialist Ave., 68. E-mail: aqupolyakov@gmail.com*

The article provides multi-faceted analysis and gives new definition to the legal concepts “tampering with evidence on a criminal case”, “tampering with the results of investigative work”, “tampering with electronic evidence on a criminal case”. The article discusses that legal assessment of written speech depends on legal bearings of the case, while labeling process as an evidence tampering depends on interpretation of legal norms. The history of the term “evidence tampering” is given as well as its origin and

evolution.

It's noted that IT development has brought attention to legal and linguistic aspects of "electronic evidence tampering". Any evidence can be either in paper or electronic form, or one piece of evidence can be backed up by the other, that's why it is important to differentiate printed (material) and digital types when describing ways and features of evidence tampering (forger). When e-document tampering is found, it is always necessary to record the fact of it on paper in the corresponding criminal case file. In accordance with the complex of criminalistics, criminal law and procedure aspects, electronic evidence tampering becomes felonious only if it is recorded in a criminal case file which is an administration of law by an authorized officer and which is written on paper. It is claimed that for a variety of reasons there has been a favorable situation for active use of electronic evidence tampering in hi-tech crimes.

Keywords: tampering; evidence; electronic document; electronic evidence; hi-tech crimes

Проблема фальсификации доказательств возникла давно и продолжает оставаться актуальной до настоящего времени. Несмотря на важность этой проблемы, ее комплексное научное исследование не проводилось. В литературе встречаются работы, посвященные отдельным аспектам этого вопроса уголовно-правового, уголовно-процессуального криминалистического и лингвистического характера.

Термин «фальсификация» – от латинского «falsifico» – имеет следующие значения: преднамеренное искажение чего-либо; изменение (подделка) с корыстной целью вида или свойств объектов. В историческом плане о процессуальной проблеме фальсификации речь начала идти уже в середине 16 столетия. Так, Судебник Ивана Грозного устанавливал ответственность за составление подложных протоколов судебного разбирательства, подделку речей истца или ответчика. В последующем, начиная примерно с 18 столетия, понятие фальсификации было распространено и на документы, подвергшиеся редактированию по политическим и идеологическим мотивам.

На сегодняшний день остаются важные вопросы, отсутствие правовой определенности по которым вызывает ряд проблем юридического толка. Речь идет о понятиях: «фальсификация доказательств по уголовному делу» и «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности». Для определения данных понятий необходимо проанализировать базовые законодательные и научные положения в этой области. Так, важной в понятийном аппарате криминалистики работе профессора Р. С. Белкина «Криминалистика: учебный словарь-справочник» [Белкин 1999: 268] уделяется внимание фальсификации следов рук и фальшивомонетничеству. В «Энциклопедии судебных экспертиз» дается следующее определение: фальсификация (подделка) – изготовление поддельных объектов, имитирующих подлинные, подмена подлинного (настоящего) ложным (мнимым) [Аверьянова, Россинская 1999: 551]. В Уголовном кодексе (далее – УК) РФ имеется 6 статей, прямо посвященных фальсификации, а именно, это статьи: 142, 142.1, 170.1, 172.1, 185.5 и ст. 303 УК РФ - Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Можно сделать вывод, что в статьях УК РФ в своем ракурсе раскрывается часть ключевого понятия – «фальсификация». К примеру, в ст.142 УК РФ под фальсификацией понимается сознательное внесение ложных сведений в документы, чтобы добиться нужных для определенных лиц результатов выборов или проведения референдума, а под ложными сведениями – действия по искажению документа, замене подлинного документа другим и т. д. В соответствии со ст. 303 УК РФ под «фальсификацией» понимается искажение фактических данных, являющихся доказательствами и (или) результатами оперативно-розыскной деятельности. Она может проявляться в разных формах: внесение дополнительного текста в документы, их подделка, подчистка, пометка другим числом. Кроме того, выделяют интеллектуальный подлог, который подразумевает представление ложных доказательств по содержанию.

Таким образом, говоря об определении рассматриваемых юридических понятий, мы неизбежно обращаемся к УК РФ и Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Юридическая квалификация деяния в качестве преступной фальсификации неизбежно определяется толкованием юридических терминов «фальсифицируемые доказательства» и (или) «результаты оперативно-розыскной деятельности». При определении рассматриваемого понятия как преступного требуется проведение качественной предварительной проверки заявления (сообщения) о преступной фальсификации [Сафронов 2015: 142-144].

Согласно ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуальному кодексу РФ, фальсификация доказательств выражена в подделке (искажении) показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения и (или) показаний эксперта или специалиста; вещественного доказательства, протоколов следственных и судебных действий, а также иных документов. К последним, при соблюдении определенной законом (в том числе – Уголовно-процессуальным) процедуры, можно отнести и результаты оперативно-розыскной деятельности, например: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации.

Определяя понятия «фальсификации доказательств по уголовному делу» и «фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности», нельзя вновь не обратиться к обозначенным выше Федеральным законам, в части определения круга субъектов совершения рассматриваемых преступлений (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник, а также – лицо, уполномоченное на проведение оперативно-розыскных мероприятий). Указание на данных субъектов при определении понятий необходимо, так как только ими может быть совершена фальсификация.

Таким образом, под термином «фальсификация доказательств по уголовному делу» нужно понимать подделку (искажение) показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключений и (или) показаний эксперта или специалиста; вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, либо иных документов, осуществленную лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником.

При определении понятия «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности» Уголовный закон также содержит императивное указание на необходимость установления целей деяния: «... уголовное преследование лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо ... причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации». Подытоживая сказанное, сформулируем понятие «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности» как подделку (искажение) результатов оперативно-розыскных мероприятий, совершенную лицом, уполномоченным на их проведение, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо совершаемое в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

На сегодняшний день с развитием информационных технологий значительную актуальность приобрели юридические и лингвистические вопросы фальсификации принципиально нового вида доказательств – электронных данных. Нужно признать, что полноценное использование электронных доказательств в суде в настоящее время затруднено из-за неразработанности нормативной базы и недостатка адекватных криминалистических методик их получения, отвечающих требованиям допустимости, относимости и достоверности [Васюков 2016: 54-57]. В результате сложившиеся противоречия и неопределенности, отсутствие единообразия

правоприменения, различное толкование ключевых понятий и терминов ведут к тому, что имеются серьезные проблемы по сбору, исследованию, оценке и использованию электронных данных в доказывании. На наш взгляд, к многочисленным проблемам использования в уголовном судопроизводстве электронных доказательств добавляется недостаточность технической компетентности судей, прокурорских работников, адвокатов и потерпевших, которые самостоятельно (без специальных познаний) не могут выявить фальсификацию электронных доказательств, что создает благоприятную почву для откровенной фальсификации электронных доказательств [Поляков 2010: 96-97]. При этом выявление и доказывание таких фактов, в том числе по названным причинам, является еще более маловероятным и малоперспективным (см., например, приговор Московского городского суда от 02 июля 2018 г. по делу N 2-0020/2018). Анализ криминалистической литературы, судебно-следственной практики и анкетирования сотрудников правоохранительных органов, экспертов и специалистов по информационным технологиям и информационной безопасности позволил определить крайне высокую степень латентности фальсификации электронных доказательств, отчего данную ситуацию необходимо оценить как опасную и требующую научно-практического разрешения [Поляков 2008: 245 - 249]. Полагаем, что это порождает рост высокотехнологичных преступлений, в которых важнейшая роль отводится сокрытию преступлений и противодействию следствию. [Поляков 2012: 11-12].

С методологической и практической точек зрения для уголовного судопроизводства важно сначала определиться с содержанием и объемом понятия «электронные доказательства», толкуемого как электронно-цифровые следы преступления (Поляков 2013), а потом проанализировать возможности их фальсификации. Вслед за А.М. Барановым будем исходить из того, что при анализе использования доказательств, полученных с помощью средств компьютерной техники «необходимо, чтобы форма не мешала технологии процесса, а устанавливала общие правила производства и сбора доказательств, обеспечивала право лиц на определенном этапе производства». [Баранов 2006: 146-147]. В настоящее время наиболее адекватным развитию криминалистической теории и судебно-следственной практики для характеристики формы является специфическое понятие «электронный документ». Согласно законодательству, «документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель» (Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ). Понятие «электронный документ» в силу неразработанности теории, относящейся к использованию электронных доказательств, вызывает большие дискуссии в криминалистике [Поляков 2008: 427-431]. П. П. Зайцев справедливо акцентирует внимание на том, что в процессуальном праве, в нормативно-правовых актах и руководящих разъяснениях судам для обозначения формы представления компьютерной информации «используются различные термины: «электронный документ», «документ, подготовленный с помощью электронно-вычислительной техники», «машинный документ» [Зайцев 2002: 40-44]. Под электронным документом В. Вехов понимает «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах в электронно-цифровой форме, зафиксированных на машинном носителе с помощью электромагнитных сигналов с реквизитами, позволяющими идентифицировать данные сведения» [Вехов 2005: 11-13]. Также В. Вехов предлагает использовать такое понятие как «комбинированный документ», который содержат «одновременно машинописные, рукописные и электронные реквизиты», например, им может выступать SIM-карта [Вехов 2008: 96]. Интересной представляется точка зрения В. А. Мещерякова [Мещеряков 2004: 153-169], который предлагает расширить понятие «электронный документ» и заменить его на понятие «электронный цифровой объект», однако сам автор выражает сомнение в готовности законодателя принять его предложение.

Учитывая специфику современного уголовного судопроизводства, любое доказательство может иметь как бумажный, так и электронный вид, либо один вид доказательства может быть продублирован другим. К примеру, электронные документы, в которых содержатся лог-фалы об истории посещения сайтов, сетевых соединениях, подключенных накопителях данных или иных сведений о преступлении, находят свое отражение в протоколах следственных действий, например, осмотра, выемки, экспертизы. Полагаем, что при фальсификации электронных документов в обязательном порядке будет присутствовать фальсификация данных на бумажном носителе в материалах уголовного дела (Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 12 апреля 2018 г. по делу N 22-411/2018). Вместе с тем, учитывая совокупность криминалистического, уголовно-правового и уголовно-процессуального аспектов, фальсификация электронных доказательств может стать преступной только тогда, когда она находит свое очевидное отражение в материалах уголовного дела, то есть в актах правоприменения уполномоченных лиц, зафиксированных на бумажных носителях. В противном случае, фальсификация электронных данных не будет воспринята судом, либо прокурором и, соответственно, не будет иметь доказательственного значения, что делает ее осуществление бессмысленным, так как она не создаёт угрозы привлечения к уголовной ответственности.

Определяя понятие «фальсификация электронных доказательств по уголовному делу», приходим к выводу, что это подделка (искажение) показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключений и (или) показаний эксперта или специалиста, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, либо иных документов, осуществленная лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником, нашедшая отражение в электронном и бумажном носителе по уголовному делу.

Резюмируя вышесказанное, делаем вывод о том, что во взаимосвязи криминалистического, уголовно-правового, уголовно-процессуального и лингвистического аспектов лежит ключ к пониманию понятий рассматриваемых разновидностей фальсификации. Комплексный анализ данных аспектов позволил сформулировать необходимые для уголовного судопроизводства понятия, связанные с фальсификацией доказательств.

Литература

- Апелляционное Определение Судебной коллегии Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 12 апреля 2018 г. по делу N 22-411/2018 / Архив Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа, 2018 г.
- Приговор Московского городского суда по делу N 2-0020/2018 от 02 июля 2018 г.). Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 ноября 2018 г. N 5-АПУ18-67 / Архив Московского городского суда г. Москвы, 2018 г.
- Аверьянова Т. В., Россинская Е. В. Энциклопедия судебной экспертизы. М. 1999.
- Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам / А. М. Баранов. - Омск: Омская академия МВД России. 2006. - С. 146-147.
- Белкин Р. С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. М. 1999.
- Васюков В. Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики / В. Ф. Васюков / Уголовный процесс. –

2016. – №2. – 54-57.

Вехов В. Б. Основные направления развития криминалистического исследования компьютерной информации и ее материальных носителей / В. Б. Вехов / Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции - М. 2005. – С. 11-13.

Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки / В. Б. Вехов. - Волгоград: 2008. - С. 96.

Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств / П. Зайцев / Законность. - 2002. – № 4. – С. 40 – 44.

Мещеряков В. А. Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике / В. А. Мещеряков / Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов / под редакцией О. Я. Баева. - Воронеж: 2004. - Выпуск 5. - С. 153 – 169.

Поляков В. В. К вопросу о повышении эффективности расследования преступлений в сфере компьютерной информации / В. В. Поляков / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Четвертой Международной научно-практической конференции. – Барнаул: 2006. – С. 93-94.

Поляков В. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике / В. В. Поляков, А. В. Шебалин / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы одиннадцатой Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. – Часть 1. – С. 123-125.

Поляков В. В. О высокотехнологичных способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации / В. В. Поляков / Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию юридического факультета и 40-летию Алтайского государственного университета. – Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2012. Выпуск 11-12. – С.123 - 126.

Поляков В. В. Об использовании новых понятий при доказывании преступлений в сфере компьютерной информации / В. В. Поляков / Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае, 19-20 сентября 2008. – Барнаул. 2008. – С. 427 - 431.

Поляков В. В. Особенности подготовки специалистов для расследования преступлений, связанных с неправомерным удаленным доступом к компьютерной информации / В. В. Поляков/ Известия Алтайского государственного университета. 2010. – N 2/1. – С. 96 - 97.

Поляков В. В. Результаты анкетирования по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации / В. В. Поляков // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы межрегиональной научно-практической конференции / под редакцией В. К. Гавло. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета. 2008. – Выпуск 7. – С. 245 - 249.

Сафронов А. Ю. О необходимости разграничения фальсификации и добросовестного заблуждения в ходе производства проверок по заявлениям (сообщениям) о фальсификации доказательств и фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности. Томск. 2015. С. 142-144.

Сафронов А. Ю. Способы совершения преступления по уголовным делам о фальсификации доказательств и (или) результатов оперативно-розыскной деятельности. Барнаул. 2017. С. 122-127.

Сафронов А. Ю. Структура способа совершения преступления по уголовным делам о фальсификации доказательств и (или) результатов оперативно-розыскной деятельности. М. 2016. С. 101-103.

References

Appeal determination of the Judicial Collegium of the Langepass City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug of April 12, 2018 in case N 22-411. Archive of the Langepass City Court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (in Russian).

Averyanova, T.V., Rossinskaya, E.V. (1999). Encyclopedia of forensic examination. Moscow (in Russian).

Baranov, A.M. (2006). Ensuring legality in pre-trial criminal proceedings. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (in Russian).

Belkin, R.S. (1999). Forensic science: educational reference dictionary. Moscow (in Russian).

Meshcheryakov, V.A. (2004). Electronic digital objects in criminal process and criminalistics. Voronezh forensic readings: combined scientific works, 4, 153–169 (in Russian).

Polyakov, V.V. (2006). On the issue of enhancing the effectiveness of investigating crimes in the field of computer information. Actual problems of combating crimes and other offenses. Proceed. Fourth Int. Scientific and Practical Conference. Barnaul (in Russian).

Polyakov, V.V., Shebalin, A.V. (2013). To the issue of using the concepts of “virtual traces” and “electronic digital traces” in forensic science. Actual problems of combating crimes and other offenses. Proceed. XI Int. Scientific and Practical Conference. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Part 1 (in Russian).

Polyakov, V.V. (2012). On high-tech methods of committing crimes in the field of computer information. Criminal procedural and forensic readings in Altai: materials of the annual All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Law and the 40th anniversary of Altai State University. Barnaul. Altai State University Press, 11-12, 123–126 (in Russian).

Polyakov, V.V. (2008). On the use of new concepts in proving crimes in the field of computer information. Russian legal science: state, problems, prospects. Proceed. All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of legal education in Altai, September 19-20, 2008. Barnaul (in Russian).

Polyakov, V.V. (2010). Features of training specialists for the investigation of crimes related to unauthorized remote access to computer information. Izvestiya of Altai State University, 2(1), 96–97 (in Russian).

Polyakov, V.V. (2008). Results of questioning in cases of unauthorized remote access to computer information. Criminal procedural and forensic readings in Altai. Proceed. Interregional scientific-practical conference. Barnaul: Publishing house of the Altai State University, 7, 245–249 (in Russian).

Safronov, A.Yu. (2015). On the need to distinguish between falsification and conscientious delusion in the course of conducting inspections on claims (reports) about falsifying evidence and falsifying the results of operational-search activity. Tomsk (in Russian).

Safronov, A.Yu. (2017). Methods of committing a crime in criminal cases of falsification of evidence and (or) the results of operational investigative activities. Barnaul (in Russian).

Safronov, A.Yu. (2016). Structure of the method of committing a crime in criminal cases of falsification of evidence and (or) the results of operational investigative activities. Moscow (in Russian).

The sentence of the Moscow City Court in case No. 2-0020 / 2018 of July 2, 2018). Appeal definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 7, 2018 N 5-APU18-67 / Archive of the Moscow City Court of Moscow, 2018 (in Russian).

Vasyukov, V.F. (2016). Seizure of electronic media: unsolved problems of practice. *Criminal trial*, 2, 54-57 (in Russian) (in Russian).

Vekhov, V.B. (2005). Main directions of development of forensic investigation of computer information and its material carriers / V. B. Vekhov / Disclosure and investigation of crimes involving the use of computer technology: problems, trends, prospects. Proceed. All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow (in Russian).

Vekhov, V.B. (2008). Bases of the criminalistic theory of research and the use of computer information and the means of its processing. Volgograd (in Russian).

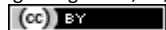
Zaitsev, P. (2002). Electronic document as a source of evidence. *Legality*, 4, 40–44 (in Russian).

Citation:

Сафронов А.Ю., Поляков В.В. Проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 13-17.

Safronov, A.Yu., Polyakov, V.V. (2019). Problems of legal and linguistic definition of evidence tampering in criminal court procedure.

Legal Linguistics, 12, 13-17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантика слов с элементом черн- и их оценка при проведении лингвистической экспертизы (на материале комментариев интернет-пользователей)

Т.В. Бердникова

ФБУ Саратовская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации
410028, Саратов, ул. Вольская, 11а, к.155. E-mail: sintax2@yandex.ru

Рассматриваются особенности семантики слов с элементом черн-. Анализу подвергаются слова с данным элементом разных частей речи: имена существительные, имена прилагательные. Внимание уделяется функционированию данных слов в интернет-коммуникации, рассматриваются особенности интернет-комментария как жанра. В статье выявляются особенности анализа слов с элементом черн- в аспекте судебной экспертизы, рассматриваются проблемы экспертной оценки и квалификации данных слов. Анализируются материалы по делам, связанным с противодействием экстремизму. В статье представлена специфика лингвистического анализа данных материалов с учетом коммуникативной ситуации и особенностей материала.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза; комментарии; речевое взаимодействие; семантический анализ

The semantics of words with the constituent chern- and their assessment when implementing a linguistic expertise (based on the comments of Internet users)

T.V. Berdnikova

Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
410028, Saratov, ul. Volskaya 11, k.155. E-mail: sintax2@yandex.ru

The features of the semantics of words with the constituent chern -are considered. Words with this constituent belonging to different parts of speech are analyzed: nouns, adjectives. Attention is paid to the functioning of these words in the Internet communication, the features of Internet commentary as a genre are considered. The article reveals the peculiar features of the analysis of words with the element of chern- in relation to forensic examination, considers the problems of expert assessment and qualification of these words. Case papers connected with counteraction to extremism are analyzed. The article presents the specifics of linguistic analysis of these papers, taking into account the communicative situation and peculiarities of the material.

Key words: forensic linguistics; comments; verbal interaction; semantic analysis

Современная лингвистическая экспертиза исследует множество объектов: письменные и устные тексты, креолизованные тексты, электронные тексты. Последний вид представляет собой различные жанры, одним из которых является комментарий пользователей сети Интернет. В основном комментарии становятся объектами лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму.

Особенности интернет-коммуникации обуславливают характер общения ее участников. К таким особенностям можно отнести следующие: 1. анонимность, которая обуславливает аффективную раскрепощенность, ненормативность и некоторую безответственность участников общения; 2. невозможность использования (либо сведение к минимуму) невербальных средств; 3. добровольность и желательность контактов; 4. затрудненность эмоционального компонента общения и в то же время стойкое стремление к эмоциональному напряжению текста; 5. легкая смена формальных атрибутов и др. [Минаков 1999; Шевченко 2007].

Комментарии имеют двойную адресованность: непосредственный адресат, на чье сообщение отвечает автор текста, и неограниченный круг лиц (поскольку комментарии доступны любому пользователю сети Интернет), т.е. массовый адресат.

В комментариях в социальных сетях, на новостных сайтах, в блогах и чатах происходит обсуждение «наболевших» социальных проблем. К числу таких проблем относится экстремизм. Особого внимания заслуживает номинация групп лиц по их национальной и/или расовой принадлежности – «хачи», «чурки», «чёрные» и т.п.

В материалах, содержащих обсуждение статей, видеороликов, фильмов, аудиозаписей, представлено большое число лексем с элементом *черн-* (*чёрный, черномазый, черножопый, чернота, чернильница* и др.).

В Новом словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова [Тихонов 2014] с элементом *черн-* представлена достаточно разветвленная система слов, связанных отношениями разного типа. В экспертной практике в основном мы сталкиваемся с такими словами, как *чёрный, черномазый, черножопый, чернота*. Все эти слова содержат общий корень *черн-*, значение которого лежит в основе толкования вышеприведенных слов. По замечанию Г.О. Винокура, «не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [Винокур 1959: 421].

Корневым словом для лексем *черномазый, черножопый, чернота* является слово *чёрный*. Оно образовано путем субстантивации и является узואльным субстантиватом, к числу которых относятся слова адъективного типа (прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные) [Высоцкая 2014: 328]. Пользуясь типологией субстантивации, предложенной И.В. Высоцкой, можно отнести данное слово к типу контекстуальной субстантивации, закрепленной в определенных контекстных условиях.

В словарях общеупотребительной лексики представлены следующие дефиниции слова *чёрный* (при коммуникативной ситуации обозначения каких-либо лиц):

ЧЁРНЫЙ. 2. // Разг. Смуглый и черноволосый. 3. Имеющий темный цвет кожи как признак негроидной расы [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1474].

ЧЁРНЫЙ. Только полн. ф. Темнокожий (как признак расы) [Словарь русского языка 1998: 667].

В словарях общеупотребительной лексики слово *чёрный* содержит указание на внешние признаки человека (цвет кожи, волос), не содержит указание на отношение говорящего к лицам, обозначаемым данным словом (*чёрные*), представлено нейтральное значение.

Этимологический словарь А.К. Шапошникова также не дает отрицательных оценок в значении этого слова (ЧЁРНЫЙ. полн. ф. с темной кожей (как признак расы), чернокожий [Этимологический словарь современного русского языка 2010: 2, 521].

Однако в комментариях, являющихся объектом исследования, слово *чёрный* имеет негативные характеристики:

- (1) Порой поражаюсь с этих чёрных ублюдков.
- (2) А ты готов к борьбе за расу? Погоним чёрных! Ой, ой!
- (3) И забудь про жалость. Чёрный это мразь!
- (4) Чёрного увидишь – в рожу бей с ноги!
- (5) Терпенью конец – нужно чёрных валить!
- (6) Просто надо своим детям с детства прививать как надо этих чёрных на место ставить вот и все.

Во всех примерах слово *чёрный* отражает негативное, враждебное отношение говорящего к группе лиц, названной *чёрные*. По отношению к данной группе говорящими используются слова *ублюдки, мразь*. Кроме того, обозначены действия, которые необходимо совершить по отношению к группе *чёрные*: *погоним чёрных, в рожу бей с ноги, забудь про жалость* (по отношению к *чёрным*), *нужно чёрных валить, чёрных на место ставить*.

Эти негативные характеристики указаны в словарях субстандартной лексики:

ЧЁРНЫЙ. 1. (чаще мн. чёрные). Уничиж. (презр.) Разг.-сниж. О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран [Химик 2004].

ЧЁРНЫЙ. 1. (чаще мн. чёрные). Фам. Уничижит. О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских и африканских стран (~черномазый) [Химик 2017: 2, 460].

Как видно из последних толкований, слово *чёрный*, помимо приобретения негативных коннотаций, выраженных в словарных пометах *уничижительное, фамиллярное*, содержит указание на принадлежность обозначенных этим словом лиц к кавказскому, азиатскому, африканскому регионам.

Негативное отношение говорящих к народам из кавказского, азиатского, африканского регионов обуславливает использование слова *чёрный* с отрицательными коннотациями. Имеет место расширение значения слова *чёрный*, выражены отношения метафорической мотивации, когда слово мотивировано непрямым значением (Ср. ЧЁРНЫЙ. 7. Не вызывающий одобрения, предосудительный; низкий, коварный, подлый [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1474]).

Производное от слова *чёрный* лексема *черномазый*, изначально не имевшая отрицательных коннотаций, также приобретает семантическое приращение негативного отношения к группе лиц, названных *черномазые*:

Всех черномазых в кровавый фарш!

В Словаре русского языка под редакцией Евгеньевой [Словарь русского языка] представлено нейтральное толкование слова *черномазый* с указанием на внешность человека:

ЧЕРНОМАЗЫЙ. 1. Черноволосый и смуглый [Словарь русского языка 1998: 4, 666].

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова слово *черномазый* имеет помету *презрительное*:

ЧЕРНОМАЗЫЙ. 1. Презрит. Черноволосый и смуглый (обычно по отношению к представителям южных национальностей, неграм, цыганам и т.п.) [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1474].

В словарях субстандартной лексики это слово имеет пометы *сниженное, грубое, уничижительное*:

ЧЕРНОМАЗЫЙ. Сниж. Груб. Уничиж. Чернокожий или с очень темной кожей, черноволосый человек (о негроидах, реже о южанах, азиатах, цыганах) [Химик 2017: 2, 457].

В последних двух случаях в толковании появляется указание на национальность и регион.

В Толковом словаре русской разговорно-обиходной речи [Химик 2017] слово *черномазый* семантически связывается со словами *чёрный, черножопый, чернота*.

Слово *черножопый* употребляется в следующих контекстах:

- (1) Бей черножопых! Бей заразу!
- (2) Черножопым вход запрещен.

Слово *черножопый* образовано способом сложения основ (*черн+ жоп*), имеет прозрачную внутреннюю форму.

ЧЕРНОЖОПЫЕ. Грубо. 1. Негры. 2. О жителей Средней Азии или Кавказа [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1473].

ЧЕРНОЖОПЫЙ. Сниж. Груб. Бран. О любом темнокожем или очень смуглом человеке; о выходеце из Кавказского региона или из южноазиатских и африканских стран, о негроиде (~черномазый) [Химик 2017: 2, 457].

Таким образом, в толковании данного слова содержится описание внешности и указание на расу, место жительства.

Еще одним словом, связанным с корнем *черн-* и образованным от слова *чёрный*, является слово *чернота*.

Славянский народ, поднимайся с колен,

Поднимайся и бей ради наших детей,

*Ради нашей земли, поднимайся и стой,
Зачищая тылы – черноту за спиной.*

Значение слова *чернота*, указывающее на отношение к каким-либо лицам, представлено в словаре под ред. В.В. Химика: ЧЕРНОТА. Собр. Снеж. Пренебр. О людях со смуглой кожей, иногда о жителях Кавказа или азиатских стран (~ черномазый) [Химик 2017: 2, 457].

В данной дефиниции содержится указание на описание внешности и обозначение места жительства.

Таким образом, согласно толкованию в словаре под ред. В.В. Химика [Химик 2017], слова *чёрный*, *черножопый*, *чернота* являются семантически близкими, нередко контекстуально синонимичными. В своем значении эти слова содержат не только указание на внешние признаки человека, но и на его принадлежность к определенной национальности, обозначение места жительства и в некоторых случаях расы.

В комментариях интернет-пользователей нередко общеупотребительные слова используются в несвойственном значении. Так, слово *чернильница* в современном русском языке имеет следующее значение:

ЧЕРНИЛЬНИЦА. Специальный сосуд для чернил, в который макают перо, когда пишут [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1473].

Однако в комментариях это слово употребляется в ином значении:

- (1) *Это же чернильницы. Что с них взять!*
- (2) *Позор матерям, которые воспитывают таких чернильниц!*
- (3) *Требую расстрелять таких шкур чернильниц*
- (4) *Хотя чернильницу, тоже не жалко. Нечего было с чуркой путаться.*

Как видно из контекста, слово *чернильница* означает лицо женского пола, причем такая женщина/девушка оценивается негативно, поскольку по отношению к ней предлагается применить враждебные насильственные действия.

Слово *чернильница* в данном употреблении мотивировано словом *чёрный* в значении 'О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран'. Следует отметить, что слово *чернильница* мотивировано словом *чернила* ('красящая жидкость для писания'). Изначально чернила имели черный цвет, однако впоследствии для письма стали использоваться чернила других цветов.

Таким образом, можно определить значение слова *чернильница* следующим образом:

ЧЕРНИЛЬНИЦА. Женщина/девушка, имеющая сексуальные отношения с мужчинами, принадлежащими к группе *чёрные*, т.е. к группе лиц, имеющих темный, смуглый цвет кожи; являющихся кавказцами или выходцами из азиатских и африканских стран.

В результате такого употребления слово *чернильница* приобретает отрицательную коннотацию.

Таким образом, семантика слов с элементом *черн-* обусловлена контекстом их функционирования. При экспертной оценке таких слов необходимо проводить многоаспектный анализ, включающий контекстный анализ, а также учитывающий общую коммуникативную ситуацию.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
- Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 419-442.
- Высоцкая И.В. Типы субстантивации и типы речевого поведения // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. Конгресс исследователей русского языка (18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы. М., 2014.
- Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
- Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернета как нового слоя реальности. 1999. <http://flogiston.ru/articles/netpsy/minakov/>.
- Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. М., 1998.
- Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М., 2014.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 2. СПб., 2017.
- Шевченко И. (2007). Некоторые психологические особенности общения посредством Internet. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko/>. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М, 2010.

References

- Chimik, V.V. (2004). Large Dictionary of Russian colloquial expressive vocabulary. Saint Petersburg (in Russian).
- Chimik, V.V. (2017). Explanatory Dictionary of Russian colloquial speech. Vol. 2. Saint Petersburg (in Russian).
- Dictionary of the Russian language. (1998). Vol. 4. Moscow (in Russian)
- Etymological dictionary of the modern Russian language. (2010). Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O.V., Safonova Yu. A., Sekerazh T.N. (2014). The methodology of the forensic psycho-linguistic examination of cases related to counteraction to extremism and terrorism. Moscow (in Russian).
- Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. (2000). Saint Petersburg (in Russian).
- Minakov, A.V. (1999). Some psychological properties and features of the Internet as a new layer of reality. Available from: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/minakov/> Accessed 10.05.2019 (in Russian)
- Shevchenko, I. (2007). Some psychological features of communication via the Internet. Available from: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko/> Accessed 10.05.2019 (in Russian)
- Tikhonov, A.N. (2014). New word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate. Moscow (in Russian).
- Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian word formation (Pp. 419-442). In: Selected works on the Russian language. Moscow (in Russian).
- Vysotskaja, I.V. (2014). Types of substance and types of speech behavior. Russian language: historical destiny and present. Proceed. V int. Congress of Russian language researchers (18-21 March 2014): Proceedings and materials. Moscow (in Russian).

Citation:

Т.В. Бердникова. Семантика слов с элементом черн- и их оценка при проведении лингвистической экспертизы (на материале комментариев интернет-пользователей) // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 18-21.

Berdnikova, T.V. (2019). The semantics of words with the constituent chern- and their assessment when implementing a linguistic expertise (based on the comments of Internet users). *Legal Linguistics*, 12, 18-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Автороведческая экспертиза: трудности идентификации

Л.О. Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
644077, Омск, пр. Мира 55, 201 корпус ОмГУ, к. 218. E-mail: larisabut@rambler.ru

В статье рассматривается автороведческая лингвистическая судебная экспертиза как один из типов экспертиз, представляющих сложность в силу субъективных (сложность задач, поставленных перед экспертом, отсутствие опыта проведения исследований подобного рода, отсутствие единообразной методики исследования и пр.) и объективных (незначительный объем сравниваемого материала, его недостаточное количество, отсутствие образца, однозначно принадлежащего определенному лицу, разножанровость, разнообъемность, стиливая неоднородность сравниваемых речевых произведений, разница материальных носителей и пр.) причин. Автор анализирует разные подходы и требования к данному типу экспертного исследования, обусловленные юридическими и лингвистическими методолого-методическими основами, делает вывод о необходимости выработать отчетливое понимание того, что есть автор как текстовая величина в теории текста, лингвистике и речеведении, какие параметры речи наиболее полно отражают личность автора, как выявить эту личность в ситуации анализа речевого произведения определенного типа, жанра, объема, с помощью чего добиться качества выводов, как различить автора – человека и «автора–программу» (в ситуации анализа виртуальной коммуникации) и пр. Предлагается учесть достижения лингвистов, работавших над категорией автора как текстовой величиной художественного и нехудожественного текста. В качестве перспективы развития экспертизы автороведческого типа предлагается применение на новом уровне параметров, предложенных А.А. Леонтьевым, А.М. Шахнаровичем, В.И. Батовым, – метода атрибуции речевого произведения на основе не формальных характеристик письменной речи, а их субъективных образов с помощью психолингвистических и математико-статистических процедур, дополненных для массива текстов квантитативным подходом.

Ключевые слова: автороведческая лингвистическая судебная экспертиза; экспертное исследование; автор как текстовая величина; метод атрибуции речевого произведения; формальные характеристики письменной речи; субъективные образы письменной речи

Author's examination: difficulties of identification

L.O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University
1644077, Omsk, pr. Mira 55, korp. 2 OmGU, k. 218. E-mail: larisabut@rambler.ru

The article considers an author-based linguistic forensic examination as one of the types of examinations that are difficult due to subjective (complexity of tasks assigned to an expert, lack of experience in conducting research of this kind, lack of a uniform research methodology, etc.) and objective reasons (insignificant amount of material being compared, its insufficient quantity, the lack of a sample, clearly belonging to a certain person, size, diversity, stylistic heterogeneity of speech works compared, the difference of storage media, etc.). The author analyzes the different approaches and requirements for this type of expert research, due to legal and linguistic methodological foundations, concludes that it is necessary to develop a clear understanding that there is an author as a text value in text theory, linguistics and speech science, which speech parameters most fully reflect the identity of the author, how to identify this personality in the situation of analyzing a speech work of a certain type, genre, volume, with the help of which to obtain a quality conclusion about how to distinguish the author - a person and the "a program author" (in the situation of analyzing virtual communication); etc. A perspective on the development of an examination of an authoritative type can be the application at a new level of the parameters proposed by A. A. Leontyev, A. M. Shakhnarovich, V. I. Batov - the method of attribution of a speech work based not on the formal characteristics of written speech, but on their subjective images with the help of psycholinguistic and mathematical-statistical procedures that need to be supplemented by a quantitative approach for an array of texts.

Key words: author scientific linguistic forensic examination; expert research; author as a text value; method of attribution of speech work; formal characteristics of writing; subjective images of writing

В кругу лингвистических судебных экспертиз автороведческие экспертизы и заключения специалиста по определению авторства того или иного текста или текстов занимают особое место в силу *субъективных* (сложность задач, поставленных перед экспертом, отсутствие опыта проведения исследований подобного рода, отсутствие единообразной методики исследования и пр.) и *объективных* (незначительный объем сравниваемого материала, его недостаточное количество, отсутствие образца, однозначно принадлежащего определенному лицу, разножанровость, разнообъемность, стилиевая неоднородность сравниваемых речевых произведений, разница материальных носителей и пр.) *причин*.

Сложность и неоднозначность данного типа исследований, необходимость выработки действенных методик их проведения, востребованность такого рода экспертиз в правовой и судебной практике, увеличение правовых нарушений, для квалификации которых требуется установление личности автора речевого произведения, расширение области авторских прав, лингвистический интерес к проблеме выявления параметров языковой личности, образа автора художественных и нехудожественных текстов, а также речевых произведений (записок, дневников, официально-деловых документов) разных типов, понятийно-терминологическая неоднородность указанной сферы языковедения, правоведения, юрлингвистики обуславливают *актуальность* выбранной темы. Проблемное поле обозначено в [Араева 2014: 533–543; Литвинова 2016: 111–115; Голев 2010: 422–431; Дроздова 2010: 394 – 404; Моштылева 2018: 131–135; Напреенко 2015; Огорелков 2018: 574 – 578; Резанова 2013: 38 – 52 и др.]. Обзор истории данного типа экспертиз можно прочитать в [Сакун 2010: 176 –183]

Цель статьи – установление места автороведческой экспертизы в кругу других типов экспертного исследования в аспекте выработки методолого-методических основ ее проведения и их применения на практике.

Автороведческая экспертиза определяется как один из видов экспертизы письменных текстов, целью которой является установление и характеристика автора спорного речевого произведения или спорных речевых произведений (см. позицию К.И. Бринева, изложенную в «Справочнике по судебной лингвистической экспертизе» [Бринев 2012: 10]).

Позиция К.И. Бринева направлена на ограничение объектов данного типа исследований письменными текстами, вычленение двух типов задач: 1. Идентификационные задачи (установление автора текста и ответ на вопрос – Является ли X автором анализируемого текста?), 2. Диагностические задачи (установление различных характеристик автора и условия порождения текста) [там же].

Соглашаясь с мнением К.И. Бринева о вероятностном характере большинства выводов экспертиз такого типа, замечу, что такое положение вещей обусловлено не столько тем, что принятая научная теория не способна описать конкретные факты, с помощью которых точно можно установить личность автора речевого произведения, а также с психологическим состоянием неуверенности эксперта, сколько с отсутствием возможности точного установления личностных черт автора по тем текстам, которые оказываются в руках эксперта.

Не облегчает трудностей идентификации и подход юристов, поскольку и они под данным типом экспертиз понимают, как правило, тот тип исследования письменной речи, который «производится с целью установления автора данного текста на основании анализа отобразившихся в нем особенностей письменной речи» [Россинская 2006: 186].

Как видим, и Е.Р. Россинская в качестве объекта анализа рассматривает *письменные речевые произведения* («тексты документов, исполненные в бытовом, деловом, публицистическом, научном (частично) стилях письменной речи», рукописные и машинописные документы, документы, изготовленные полиграфическим способом, с помощью средств оргтехники, их копии), исследуемые с разными целями – для ответа на *диагностические вопросы* и для решения *идентификационных задач*. Предполагается, что «путем автороведческого исследования возможно также дать автору текста определенную характеристику на основании ряда выявленных признаков, как-то: пола, возраста, образовательного и культурного уровня, профессии, а также судить о факторах, действовавших на него в период создания текста» [там же].

В позиции ученого важен ряд моментов, ставших классическими: указание на *оптимальный объем* текста, для которого решается вопрос об авторстве – е менее 500 слов; *разграничение стилей* речи – бытового (отраженного в частной переписке, записках бытового содержания), публицистического (реализуемого в статьях, докладах), делового (выраженного в докладах, заявлениях, жалобах, объяснительных записках, рапортах), научного (переданного в научных статьях, докладах, диссертациях, отзывах, рецензиях).

Бесспорно, данные параметры актуальны для качества экспертных выводов, принципов и методов проведения автороведческого исследования. Собственный экспертный опыт показывает, что объективность анализа невозможна при малом объеме речевого произведения, даже текст не менее 500 слов часто не дает полной картины индивидуальности стиля и параметров языковой личности. Кроме объема, важна жанровая и стилиевая принадлежность речевого произведения. Тексты делового и официально-делового стиля являют собой наиболее стереотипизированную часть речевой практики социума, в которой даже акцентированная личность при речевой компетенции высокого уровня не проявит себя. Для оценки таких типов текстов уровень овладения жанром и стилем деловой речи (нарушения структуры документного текста, типовые ошибки, отклонения и пр.) могут быть показателем языковой личности, помогая установить автора.

Еще одно требование состоит в наличии свободных образцов, которые должны быть отобраны в объеме не менее 15 листов «по месту работы, учебы или жительства лица, у родственников, в различных организациях» [Россинская 2006: 186]. Соблюдение указанного требования позволяет максимально сблизить сравниваемые речевые продукты, проявить индивидуальные, общекультурные, общеречевые особенности языковой личности автора и объективизировать выводы. В практике автороведческого анализа далеко не всегда есть возможность получить образцы речи, удовлетворяющие указанному критерию (собственный опыт эксперта свидетельствует именно об этом), что приводит к вероятностному типу выводов или бесполезности всей экспертизы.

Трудности идентификации возникают при установлении «индивидуальной совокупности письменно-речевых навыков автора при редактировании текста в случае подготовки письменных текстов в соавторстве; выделение творческого вклада каждого из авторов при создании общего труда», установление автора по текстам веб-коммуникации [Галяшина, Приводнова 2006: 756–258]. Решение вопроса «Кто редактор, а кто автор» как раз возможно при наличии свободных образцов речевой деятельности каждого участника авторского коллектива.

Установление автора по текстам, порождаемым в ситуации виртуального общения, – еще более сложная задача, поскольку на данный тип речевых продуктов накладывает отпечаток характер и цели *речевого общения в Интернете*. Не случайно данный формат взаимодействия в сети Интернет определяют как разновидность естественной письменной речи [ЕПРР 2004; ЕПРР 2011; Голев 2009: 283–307; Голев 2012: 5 – 17; Литневская 2011: 67–82 и др.] или как формально письменную речь, по сути являющуюся устной по темпу речи, интонации (для передачи которой активно используются различные невербальные символы, знаки (смайлики), аббревиатуры, сокращения, которые «помогают коммуниканту выразить экспрессивно-эмоциональную окраску») [Галяшина, Приводнова 2006: 758 – 759].

Оценивая специфику набора при создании текстов интернет-коммуникации с помощью клавиатуры и специфику стороны восприятия письменного текста в Интернете (зрительно на экране монитора компьютера), Е.И. Галяшина, Е.В. Приводнова делают вывод

о том, что «общение в Интернете происходит только посредством письменных текстов, приближенных к разговорной устной речи, где печатная форма текста интернет-коммуникации является результатом перехода устной речи к письменной, поэтому в текстах интернет-коммуникации будут проявляться речевые индивидуальные особенности веб-личности» [там же: 759]. Именно они будут способствовать идентификации личности веб-коммуниканта по текстам его речевой коммуникации. Это означает расширение *объектов* судебно-автороветческой экспертизы до границ сложных речевых объектов полимодального, поликодового, мультимодального типа, увеличение круга *субъектов* до виртуальной языковой личности (анонимной, игровой, маскирующейся, самопрезентирующейся в новой социальной роли, сознательно создающей «модель, в которой используются возможности виртуальной реальности, и Интернет-общения – для самореализации и расширения сферы коммуникации» [Казнова 2011: 3], изменение качества адресата и адресанта, не сводимого ни к реальному типу личности, ни к вымышленному, «поскольку грань между личностью, действующей от своего собственного лица, и личностью, создающей несуществующий образ, в виртуальном дискурсе неопределима») [Лутовинова 2013: 6].

При наличии не ослабевающего интереса к данному типу экспертиз исследователи констатируют отсутствие целостных исследований, теории и методов в области идентификации письменной речевой личности и предлагают определять следующие параметры личности: 1) характерные языковые черты личности, воплощенные в письменном тексте; 2) основные лингвистические параметры письменной языковой личности в процессе порождения текста; 3) особенности репрезентации письменной языковой личности и определение психотипа; 4) психологические особенности языковой личности, проявляющиеся в письменной (зафиксированной) форме текстов; 5) особенности письменного текста, обусловленные языковой способностью автора, т.е. индивидуальной структурой, состоящей из языкового, речевого и интеллектуального компонентов [Панова URL: 1392].

Применение предложенных параметров, как думается, может быть действенным при наличии текстов достаточного объема, разных жанров. Базовой теорией для их применения могла бы стать теория речевой деятельности, совмещающая психологический и психолингвистический подходы. Однако промежуточный характер параметров (частично лингвистический, частично – психологический) ставит эксперта в сложное положение.

Возможен и другой путь – *лингвоперсоналогический*, позволяющий производить моделирование системных «лексико-квантитативных проявлений индивидуальной языковой способности в русскоязычном тексте» [Напреенко 2015: 7] (см. также [Языковая личность... 2014: 515-567; Чернышова 2011: 410 – 418; Чернышова 2014: 524-533]).

Вариант лексико-квантитативного моделирования языковой личности в идентификационном аспекте имеет развернутый, последовательный, алгоритмизированный вид. Использование в ходе его применения программных текстовых анализаторов, без сомнения, в состоянии ускорить процесс текстового исследования и исключить субъективность. При всей обоснованности и убедительности позиции его автора остается много вопросов: насколько универсален метод, если его не проверяли на большом массиве текстов, подойдет ли он для коротких речевых произведений и пр.

Г.В. Напреенко не единственный лингвист, кто ставил своей целью разработку универсальной методики определения автора по тексту и вычленения признаков текста, пригодных для автороветческой экспертизы.

Анализируя достоинства и недостатки разных подходов, томские ученые пришли к ряду принципиальных выводов. В частности, они считают, что выявление собственно языковых единиц практически всех уровней языка, признаков как сугубо формальных, так и формально-семантических в рамках биграмм и триграмм символов и слов, функциональных (служебных) слов, распределения слов по частям речи, установление наиболее частотных слов, знаков пунктуации, распределения длины слова и длины предложения эффективны для идентификации автора текста [Резанова 2013: 48]. Оказалось, что наиболее часто используются в качестве диагностических параметров признаки «формального членения текста, в составе последних – признаки низших уровней языковой системы» как мало или нерелевантные пишущими [там же: 49]. Авторский коллектив предлагает различать признаки текста, «которые могут выступать в качестве диагностирующих только в определенных типах текста (идиосинкразические признаки не работают в текстах, подвергавшихся редакторской и корректорской правке; использование метаданных применимо к компьютерным текстам и т.д.), и признаки контекстно независимые», причем последние требуют дальнейшей разработки, особенно в плане грамматики (для русского языка это касается учета его флективного строя) [там же].

Полагаю, что квантитативные и содержательные методики не противоречат друг другу. Учет числа повторений может быть применен и к знаменательным частям речи, как предлагали еще Ч. Осгуд и Г. Уолкер, информационная избыточность / недостаточность, объем лексикона пишущего, отношение разных знаменательных частей речи друг к другу в речевом произведении могут быть оценены с позиций представления ими определенных частей концептосистемы автора, быть показателями его языковой личности, как и выбор типа коммуникативной модели, их мена, распределение ключевых слов, группировка денотатов и зависимых групп, способы реализации когезии, соотношение внешней и внутренней развернутости текста (см. методику денотатного анализа текста А.И. Новикова в его монографиях и работах его учеников [Новиков 1983, 2007; Пешкова 2006 – 2017]).

Представляется полезным учесть и то, что было сделано в области неэкспертного моделирования автора по тексту [Бутакова 2001; Бакланова 2014].

В концепции *авторского сознания* как *базовой категории текста* элементарной единицей считался *смысл*, базовой структурной психоментальной единицей – *концепт* (объемное смысловое образование), базовой структурной когнитивно-ментальной единицей – *когнитивная структура*. Автором предлагалась методика, последовательно учитывающая ядерные и периферийные когнитивные структуры (концепты) на основе вербальных единиц текста, акцентно представляющих субъективные смыслы; доминантную и производную эмоции текста, способы их преимущественной вербальной репрезентации; качество и форму осуществления вербальных, когнитивных, логических связей между ними; коммуникативную структуру текста, специфику коммуникативных моделей и ряд других параметров [там же: 111-114].

Указанная методология оказалась плодотворной для описания поэтических и прозаических текстов, и применение ее к текстам нехудожественного типа показало ее действенность для речевых произведений, созданных акцентуированными личностями, обладающими психологическими особенностями, которые проявляются в выборе коммуникативных и иных стратегий порождения речевого произведения. Для текстов официально-делового, делового типа и текстов с неявной акцентуацией автора требуется доработка этапов построения модели.

Моделирование *образа автора* и *образа адресата нехудожественного текста* предложила И.И. Бакланова [Бакланова 2014]. Материалом исследования были мемуарные и научные тексты XX - начала XXI вв., рекламные тексты начала XXI в. (радиореклама, реклама в СМИ и уличная реклама). Интересующий нас образ автора понимается как «имплицитно или эксплицитно отраженная в тексте информация об общих свойствах отправителя данного текста» [там же: 4]. Для его реконструкции И.И. Бакланова предложила критерии: 1) план оценки, т.е. высказанные автором оценки лиц и событий; 2) план выбора языковых средств, т.е. использованные автором языковые средства; 3) план фактуальной информации, т.е. описанные в тексте факты и события; 4) план психологии, т.е. описанные

автором его чувства и эмоции [там же: 5].

Ученый предусмотрела возможность выведения имплицитно отраженного образа автора в зависимости от типа нехудожественного текста на основе разного количества планов точек зрения повествователя: для образа автора мемуарного текста актуальны план оценки, план выбора языковых средств, план фактуальной информации и план психологии; для образа автора научного текста важны план оценки, план выбора языковых средств и план фактуальной информации; для образа автора рекламного текста значимы план выбора языковых средств и план фактуальной информации [Бакланова 2014: 5].

Подводя итоги, заметим, что анализ разных аспектов автороведческой экспертизы, определение подходов к ней, установление ее места в кругу лингвистических исследований других типов, существующих в теории экспертной деятельности, юрислингвистике, лингвоперсонологии, лингвистике, психолингвистике, вывило, что при всей полемичности выступлений ведущих экспертов-речеведов, например, Е.И. Галяшиной, Е.Р. Россинской, К.И. Бринева, Н.Д. Голева, сходных моментов в их позициях больше, чем различий.

Что же касается выдвижения в качестве основной проблемы отсутствия единой действенной методики проведения экспертиз подобного рода, то, на наш взгляд, такая методика не появится до тех пор, пока в теории текста, лингвистике и речеведении не сформируется отчетливое понимание, что есть *автор как текстовая величина*. Создатели методики не могут игнорировать решение главных вопросов – какие параметры речи наиболее полно отражают личность автора, как выявить эту личность в ситуации анализа речевого произведения определенного типа, жанра, объема, с помощью чего добиться качества выводов (в ряде случаев нельзя уходить от их вероятностного характера), как различить автора – человека и «автора – программу» (в ситуации анализа виртуальной коммуникации) и пр. (см., например, [Комплексная методика 2007]).

Трудно не согласиться со всеми, кто выступает за совершенствование методик автороведческой экспертизы, автоматизацию отдельных этапов «автороведческого исследования путем применения программных технологий текстового анализа, привлечения специалистов-психологов, социологов, литературоведов для решения конкретных задач анализа определенных речевых произведений с определенными целями. Реальность такова, что эксперту не всегда доступны программные продукты текстового анализа, не всегда они оказываются нужны, не всегда возможно привлечение специалистов другого профиля и т.п.

Методолого-методическое обеспечение в области «образа автора» или авторского сознания как когнитивной категории художественного или иного эстетизированного текста (например, текстов сочинений) дает результаты при наличии достаточного объема речевого материала и акцентированной личности автора. Анализ остальных типов текстов чаще всего осуществляется традиционным путем, зависит от квалификации экспертов и их понимания разнообразия подходов к тексту и речевым произведениям разных типов, жанров.

Полагаю, что перспективы развития экспертиз автороведческого плана можно увидеть в том направлении, которое развивали психологи-психолингвисты А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Батов [Батов 1974; Батов 1975: 76-78; Батов 1977: 345-347; Батов 1980: 170-173; Леонтьев, Шахнарович, Батов 1977], А.Н. Баранов [Баранов 2001], К.А. Ермолаев [Ермолаев 1999]. Имеется в виду *метод атрибуции речевого произведения* на основе не формальных характеристик письменной речи, а *их субъективных образов* с помощью психолингвистических и математико-статистических процедур. Для массива текстов будет чрезвычайно полезен и количественный подход. Программный анализ поможет достаточно быстро увидеть количественное распределение определенных слов по тексту выявить типичную пунктуацию, длину слов и длину предложений в разных частях текста, характер абзацирования, длину абзацев и пр.

Ясно одно: на пути создания единой методики, практики ее применения в автороведческих экспертизах современных речевых продуктов юристов, лингвистов, психологов есть еще много проблем, требующих научного обсуждения и апробации.

Литература

- Араева Л. А. Языковая личность экстремиста (о специфике автороведческой экспертизы по криминальным проявлениям экстремизма). – Л. А. Араева, М. А. Осадчий // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология): коллективная монография / Под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М., 2014. – С. 533–543.
- Бакланова И. А. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: дисс... доктора филолог. наук. М., 2014.
- Баранов А. Н. Авторизация текста: пример экспертизы. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001.
- Батов В. И. Идентификация личности по речи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974.
- Батов В. И. Опыт построения методики для установления авторства текстов / В. И. Батов, Ю. А. Сорокин // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1977. – т. XXXVI. – № 4. – С.345– 347.
- Батов В. И. Субъективная модель текста и вопросы атрибуции / В. И. Батов, Ю. А. Сорокин. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. – т. XXXIX. – № 2. – С.170 – 173.
- Батов В. И. Атрибуция текста на основе объективных характеристик: Итоги эксперимента / В. И. Батов, Ю. А. Сорокин. Изв. АН СССР. – М., 1975. – т. XXXIV. – № 1. – С. 76-78.
- Бринева К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М., 2012.
- Бутакова Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: дисс... доктора филол. наук. – Омск, 2001.
- Галяшина Е. И. Возможности судебно-речеведческих экспертиз в защите объектов интеллектуальной собственности. Юрислингвистика. – 2006. – № 7. – С. 176 – 191.
- Галяшина Е. И. Возможности судебно-речеведческих экспертиз в защите объектов интеллектуальной собственности. Юрислингвистика. – 2006. – № 7. – С. 82-97.
- Галяшина Е. И. Судебная автороведческая экспертиза: новые задачи и возможности по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Вестник криминалистики. – 2017. – № 1– 2 (61– 62). – С. 125– 133.
- Галяшина Е. И., Приводнова Е. В. Автороведческая экспертиза в российском судопроизводстве. LEX RUSSICA (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МГЮА). – 2006. – №4. – С. 755 – 761.
- Голев Н. Д. Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. – Кемерово, Барнаул, 2010. – С. 422–431.
- Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (сибирская лингвоперсонология): коллективная монография. Под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М., 2014. – С. 10 –32.
- Голев Н. Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. - 2012. - Филология. - №2(18). - С. 5 – 17.

- Голев Н. Д. Массовое письменное сознание. Кириллица – латиница – глаголица: коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009 (сер. «Монографии», вып.11). В. Новгород, 2009. – С. 283-307.
- Дроздова Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов. Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2 (15). – С. 394–404.
- Ермолаев А. К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно–розыскной работы: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Естественная письменная русская речь (ЕППР): исследовательский и образовательный аспекты. Часть III: Письменная речь в психолингвистическом, лингводидактическом и орфографическом аспектах: Материалы конференции. Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004.
- Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. IV: Дискурсы и жанры письменной речи. Под ред. Н. Б. Лебедевой. Кемерово, 2011.
- Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в Интернет-коммуникации: на примере французской блогосферы: дисс... кандидата филол. наук. Пермь, 2011.
- Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: методические рекомендации. И. И. Рубцова и др. МВД РФ, Экспертно-криминалистический центр. М., 2007.
- Леонтьев А. А., Шахнарочич А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977.
- Литвинова Т. А. Судебная автороведческая экспертиза текста с целью установления пола его автора: проблемы и перспективы. Современное право. – 2016. – № 7. – С. 111– 115.
- Литневская Е. И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. – Т. 9. – № 5. – С. 67– 82.
- Лутвинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дисс... докт. филол. наук. Волгоград, 2013.
- Моштылева Е. С. Классификационное место речеведческих экспертиз в теории и практике судебной экспертизы (влияние судебно-экспертных традиций). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – №4. С. 131– 135. Электронный ресурс. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsionnoe-mesto-rechevedcheskih-ekspertiz-v-teorii-i-praktike-sudebnoy-ekspertizy-vliyaniye-sudebno-ekspertnyh-traditsiy>
- Напреенко Г. В. Лексико-квантитативное моделирование языковой личности в идентификационном аспекте (на материале русскоязычных интернет-дневников: дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2015.
- Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007.
- Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Огорелков И. В. К вопросу о едином методическом подходе при проведении автороведческих и лингвистических экспертиз. Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. – С. 574 – 578.
- Панова Р. С. Проблемы лингвистической идентификации письменной языковой личности. Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://docplayer.ru/43522622-Bbk-sh100-6-problemy-lingvisticheskoy-identifikacii-pismennoy-yazykovoy-lichnosti.html>
- Пешкова Н. П. (в соавт. с А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка). Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода. Под общей редакцией Н. П. Пешковой. Уфа, 2010.
- Пешкова Н. П. С любовью к тексту. Смысл текста и его многозначность. Коллективная монография памяти А.И. Новикова. Уфа, 2006.
- Пешкова Н. П. Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов. Под общей редакцией Н. П. Пешковой. (в соавт. с Я. А. Давлетовой, А. В. Моисеевой, А. С. Титловой). Уфа, 2017.
- Пешкова Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных, технических текстов): монография, 2-е изд., доп. и перераб. Уфа, 2015.
- Резанова З. И. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности. З. И. Резанова, А. С. Романов, Р. В. Мещеряков. Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Томск, 2013. – № 6 (26). – С. 38 – 52.
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2006.
- Сакун Т. Н. Судебно-автороведческая экспертиза на современном этапе развития. Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2010. – № 2 (28). – С. 176 – 183.
- Чернышова Т. В. Описание дискурсивных признаков спорных текстов как основа установления их авторства. Юрислингвистика – 11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. Кемерово, 2011. – С. 410 – 418.
- Чернышова Т. В. Описание дискурсивных признаков спорных текстов как основа установления их авторства. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1: коллективная монография. Под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М., 2014. – С. 524 – 533.

References

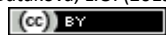
- Arayeva, L.A., Osadchiy, M.A. (2014). The linguistic personality of an extremist (on the specifics of the author-expert examination of the criminal manifestations of extremism). Language Personality: Modeling, Typology, Portraiting (Siberian Linguopersonology): A Collective Monograph, N. D. Golev and N. N. Shpilina (Eds.). Moscow (in Russian).
- Baklanova, I. A. (2014). The image of the author and the image of the recipient of a non-artistic text. Thesis of Doctoral Dissertation. Moscow (in Russian).
- Baranov, A. N. (2001). Text authorization: an example of examination. Introduction to Applied Linguistics: Tutorial. Moscow (in Russian).
- Batov, V.I. (1974). Identification of the person by speech. Thesis of Doctoral Dissedrtation. Moscow (in Russian).
- Batov, V.I., Sorokin, Y.A. (1977). The Experience of Building a Method for Establishing the Author of Texts. Izv. AN SSSR. A series of literature and language. Moscow, XXXVI(4), 345–347 (in Russian).
- Batov, V.I., Sorokin, Yu.A. (1980). Subjective model of the text and attribution issues Izv. ANSSSR. A series of literature and language. Moscow, XXXIX(2), 170–173 (in Russian).
- Batov, V.I., Sorokin, Yu.A. (1975). Attribution of the text based on objective characteristics: Results of the experiment. Izv. Academy of Sciences of the USSR. Moscow, XXXIV(1), 76–78 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2012). Reference book on judicial linguistic expert-tease. Moscow (in Russian).

- Butakova, L.O. (2001). Author's consciousness as a basic category of the text-cust: cognitive aspect. Thesis of Doctoral Dissertation. Omsk (in Russian).
- Chernyshova, T.V. (2011). Description of the discursive features of controversial texts as the basis for establishing their authorship. *Yurilingvistika – 11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov – Legalism - 11: Right as a discourse, text and word: intercollegiate collection of scientific papers*. Kemerovo (in Russian).
- Chernyshova, T.V. (2014). Description of the discursive features of controversial texts as the basis for establishing their authorship. *Language personality: modeling, typology, portraying. Siberian linguistics. Part 1: Collective monograph*. Moscow (in Russian).
- Comprehensive methods of production of authoring research experts: methodical recommendations. (2007). I.I. Rubtsova (Ed.). Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Forensic Center. Moscow (in Russian).
- Drozdova, T.N. (2010). Diagnostic and classification problems in the author analysis of blogs. *Actual problems of Russian law*, 2(15), 394–404 (in Russian).
- Ermolaev, A.K. (1999). *Personality Modeling in the Text: A Compilation of the Experience of the Operational Investigation Work*. Thesis of Doctoral Dissertation. Barnaul (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2006a). Possibilities of forensic-speech expert examinations in the protection of intellectual property. *Yurilingvistika. Legal studies*, 7, 176–191 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2006b). Possibilities of forensic-speech expertise in the protection of intellectual property. *Yurilingvistika. Legal studies*, 7, 82–97 (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2017). Judicial authorship expert examination: new tasks and opportunities in criminal cases related to illicit drug trafficking. – *Forensic Science Bulletin*, 1–2(61–62), 125–133 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Privodnova, E.V. (2006). Autorological examination in Russian judicial proceedings. *Lex Russica (Scientific works MSLA)*, 4, 755 – 761 (in Russian).
- Golev, N.D. (2010). *Linguistic Comparative and Authors Study of Three Texts*. *Jurilingvistics-10. Linguoconflictology and jurisprudence*. Kemerovo, Barnaul (in Russian).
- Golev, N.D. (2014). Mental-psychological aspects of the typology of linguistic personality (to the problem of the relationship between linguistic and personal space). *Linguistic personality: modeling, typology, portraying (Siberian linguistic personality): a collective monograph*. Ed. N. D. Golev and N. N. Shpilna. Moscow (in Russian).
- Golev, N.D. (2012). Written communication of modern times: the main vectors of development. *Tomsk State University Bulletin. Philology*, 2(18), 5–17 (in Russian).
- Golev, N.D. (2009). *Mass written consciousness. Cyrillic - Latin - Verb: a collective monograph*. T.V. Shmeleva Ed.). NovGU im. Yaroslava Mudrogo. Velikiy Novgorod, ser. "Monographs", 11, 283-307 (in Russian).
- Kaznova, N.N. (2011). Transformation of the linguistic personality in Internet communications: the example of the French blogosphere. Thesis of Doctoral Dissertation. Perm (in Russian).
- Leont'yev, A.A., Shakhnarovich, A.M., Batov, V.I. (1977). *Speech in criminology and forensic psychology*. Moscow (in Russian).
- Litvinova, T.A. (2016). Judicial authoring examination of the text in order to establish the sex of its author: problems and prospects. *Modern Law*, 7, 111–115 (in Russian).
- Litnevskaya, Ye.I. (2011). Written speaking: myth or reality? *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 9(5), 67–82 (in Russian).
- Lutovinova, O.V. (2013). *Language personality in virtual discourse*. Thesis of Doctoral Dissertation. Volgograd (in Russian).
- Moshtyleva, Ye.S. (2018). Classification of speech expertise in the theory and practice of forensic examination (the influence of forensic traditions) *Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsk*, 4, 131–135 (in Russian).
- Napreyenko, G.V. (2015). *Lexical-Quantitative Modeling of a Language Person in the Identification Aspect (on the material of Russian-language Internet diaries*. Thesis of Doctoral Dissertation. Kemerovo (in Russian).
- Natural Written Russian Speech (EPPR): research and educational aspects. (2004). Part III: Written speech in the psycholinguistic, linguistic and spelling aspects. *Proceed. Conf. Ed. N. D. Golev*. Barnaul (in Russian).
- Natural Written Russian Speech: research and educational aspects. (2011). Part IV: Discourses and genres of writing. Ed. N. B. Lebedeva. Kemerovo (in Russian).
- Novikov, A.I. (2007). *The text and its semantic dominants*. Moscow (in Russian).
- Novikov, A.I. (1983). *Text semantics and its formalization*. Moscow (in Russian).
- Ogorelkov, I. V. (2018). On the issue of a unified methodological approach during the conducting of autological and linguistic examinations. The modern development of forensic science and forensics as the implementation of the ideas of R.S. Belkin. *Proceedings of the International scientific-practical conference "To the 95th anniversary of the birth of a scientist, teacher, journalist."* Moscow (in Russian).
- Panova, R.S. (2017). Problems of linguistic identification of a written language personality. *Science SUSU: materials of the 67th scientific conference*. Available from: <https://docplayer.ru/43522622-Bbk-sh100-6-problemy-lingvisticheskoy-identifikacii-pismennoy-yazykovoy-lichnosti.html> (in Russian)
- Peshkova, N.P., Avakyan, A.A., Kirsanova, I.V., Rybka, I.N. (2010). The text and its understanding: theoretical and experimental research in line with the integrative approach. Under the general editorship of N. P. Peshkova. Ufa (in Russian).
- Peshkova, N.P. (2006). With love for the text. The meaning of the text and its multi-value. *Collective monograph in memory of A. I. Novikov*. Ufa (in Russian).
- Peshkova, N.P. (2017). Text as a tool of verbal influence: a psycholinguistic study on the material of texts of various types. N.P. Peshkova, Ya.A. Davletova, A.V. Moiseeva, A.S. Titlova (Eds.). Ufa (in Russian).
- Peshkova, N.P. (2015). *Typology of a Scientific Text: Psycholinguistic Aspect (on the Material of Scientific, Popular Science, Technical Texts)*. Monograph, 2nd ed., Ext. and pererabat. Ufa (in Russia).
- Rezanova, Z.I., Romanov, A.S., Meshcheryakov, R.V. (2013). On the selection of text features relevant to the automotive-royal expert activity *Tomsk State University Bulletin. Philology*, 6(26), 38–52 (in Russian).
- Rossinskaya, E.R. (2006). *Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings*. Moscow (in Russian).
- Sakun, T.N. (2010). Forensic-artistic expertise at the present stage of development. *Questions of criminology and forensics*, 2(28), 176–183 (in Russian).

Citation:

Бутакова Л.О. Авторведческая экспертиза: трудности идентификации // Юрислингвистика. – 2019. – №12. – С. 22-28.

Butakova, L.O. (2019). Author's examination: difficulties of identification. Legal Linguistics, 12, 22–28.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 24.06.2019 г.

Дата публикации издания 01.07.2019 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2019